

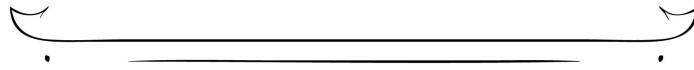
Призраки Михайловского замка

I

Вряд ли Павел Петрович сошёл с ума из-за тяжёлой опеки матери. Шизофрения вообще загадочная болезнь. Скорее всего он был давно предрасположен к безумию, и Екатерина это знала. Он вечно боялся отравы, считал, что его окружают враги и матушкины шпионы. Ему удалось достать и тайком прочесть самую запрещённую в России книгу — трагедию Шекспира «Гамлет», сюжет которой в умах современников вызывал злободневные сравнения с мужеубийством, совершённым Екатериной II. После прочтения трагедии цесаревич окончательно вообразил себя несчастным принцем из рыцарских времён. Романтизм уже носился в воздухе; цесаревичем завладела рыцарская мания.

Взойдя в 1796 году на русский престол, он из ненависти к Зимнему дворцу тотчас заказал Василию Баженову проект новой резиденции в Петербурге на средневековый западный манер. Бренн построил этот замок по проекту Баженова. В 1800 году строительство было закончено; церковный зал замка был освящён в день архангела Михаила, а потому замок был назван Михайловским. Император Павел приказал окрасить его в цвет перчатки с руки своей фаворитки Анны Лопухиной. Так за пустынным Марсовым полем возникло это угрюмое каменное видение густо-красного цвета — воплощённая фантазия страшных готических романов Горація Уолпола и Анны Радклиф, которыми зачитывалась вся Европа. Рвы, наполненные водой, подъёмные мосты, целая система подвалов и потайных ходов, бронзовые пушки, нацеленные во все стороны — все это выглядело грозно. Большую площадь замка называли площадью коннетабля (высшее воинское звание в средневековой Франции), а потом просто стали звать «коннетаблем». Так вот, на коннетабле Павел приказал поставить огромную конную статую Петра Великого и сделать на цоколе надпись: «Прадеду-правнук». У Павла было два кумира — Пётр Великий и Фридрих II, король прусский. В подражание им он не расставался с крепкой палкой, которую любовно называл «берлинкой» и охотно пускал в ход по спинам и головам своих подданных. А затем подобная трость была сделана частью офицерской формы.

В Михайловском замке император прожил всего сорок дней. Порвав с Англией и Бурбонами, он внезапно подружился с первым консулом безбожной Французской республики Бонапартом и в январе 1801 года отправил казачий корпус Платова на завоевание Индии. Около того же времени он послал всем государям Европы вызовы на поединок. Русская знать ненавидела царя за его причудливый деспотизм. Интересы Англии сошлись с интересами русского дворянства, и участь тирана была

решена. Заговор сложился среди его ближайшего окружения. Участники его заручились согласием наследника престола — Александра Павловича.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 года, надев парадную форму и все регалии (Павлом же и пожалованные), эти верные слуги и друзья императора направились в Михайловский замок.

Перед этим они выпили для храбрости. В заговоре состоял и флигель-адъютант императора, лично встречавший отряды заговорщиков с фонарём в руках. Пушки замка промолчали, Павел был убит в своей опочивальне.

Граф Пален, вождь переворота, отправился в апартаменты Александра Павловича. Тот был уже в парадном мундире, но лежал на диване и плакал навзрыд. Пален взял его за плечо:

— Полно разыгрывать ребёнка — ступайте царствовать!

Было свежее мартовское утро. По всему Петербургу глашатаи выкрикивали, что государь император скончался от апоплексического удара; то же возвещалось в спешно отпечатанных объявлениях, появившихся на стенах. На улицы высыпали радостные толпы, кричавшие «виват» новому царю. Несмотря на официальный траур, давно уже столица империи не выглядела столь празднично. Дворянство поспешило надеть запрещённые при Павле модные костюмы — фраки и круглые шляпы. Кабаки и трактиры были переполнены. Вино и обманчивое чувство свободы развязало все языки. О чем только не говорили в тот день!

— Я видел его только что! Его положили на кровать в гвардейском мундире и в треуголке величиною с колокол!

— Для чего?

— Ха-ха-ха! Он не понимает! Ему нынче нужна шляпа поболее головы!

— Край шляпы надвинут на проломленный висок и зашибленный глаз — понятно?

— Я сам только из Михайловского: лицо накрашено и подмазано, а синяки все видать! На славу его отделали!

— И подделом!

Повсюду спорили, чем порешили Павла — табакеркой или шарфом.

— Николай Зубов ударил его золотой жалованной табакеркой в висок!

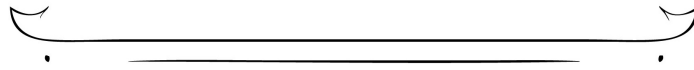
— Вздор! — отвечали Измайловские офицеры. — Наш поручик Скарятин снял с себя шарф, этим шарфом его и ...

И совершенно пьяный сенатский чиновник выговаривал, икая, только что родившуюся поговорку:

— «Павле, Павле, кто тебя давле?» — «Добрый барин фон дер Пален!»

Стоял страшный хохот. То были дни, когда участники переворота ещё открыто хвалились совершенным убийством.

Поэт Державин, выражая всеобщие чувства облегчения и надежды, писал о

перевороте весьма прозрачно:

Умолк рёв Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд...

Любезный и привлекательный Александр, общий любимец публики, вернул из ссылки жертв павловского террора. Говорили шёпотом, что в глубине души он республиканец. Однако с Англией он сразу примирился и вернул корпус Платова с дороги. Александр перенёс резиденцию в Зимний дворец, и Михайловский замок был заброшен. В нем остались жить на казенных квартирах несколько вдов и придворных прихлебателей, у которых от старости уже не сгибались колени.

В длинные зимние вечера Петербурга у камельков знати ползли шепотки о весьма странных вещах. Дескать, незадолго до 11 марта покойный Павел, страдая бессоницей, вышел прогуляться ночью, и вдруг статуя Петра, что на коннетабле, спустилась с пьедестала, и глухой замогильный голос заговорил с Павлом, предсказывая скорую беду. Павел сам рассказал об этом ближайшим людям!

— Мало ли что ему могло примерещиться! — возражали скептики, — Ведомо всему свету, что покойничек-то наш был того... — и следовал выразительный жест.

— Как! Вы не верите в видения? А как же вы объясните то, что творится в Михайловском замке?

Уж весь Петербург знал, что в замке нечисто. То ночные сторожа, то запоздалые гуляки замечали свет и движение в тех частях замка, которые стояли запертыми. Говорили, что странная фигура, гримасничая и угрожая, показывалась в окнах запертой опочивальни, где «апоплексический шарф» прервал дни императора Павла. Надо ли говорить, кого узнавали в этой фигуре?

Александр I до чрезвычайности не любил подобных разговоров.

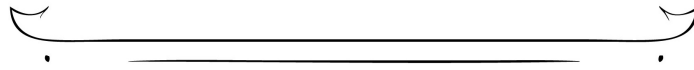
II

Внешне Михайловский замок казался безжизненным, однако в нём шевелилась какая-то странная «загробная» жизнь.

По его пустым залам и коридорам раздавался звон шпор. Смешная и нелепая фигура в напудренном парике, треуголке и красном кафтане с золотыми пуговицами бродила по замку; на боку болталась шпага. Это был кастелян замка Иван Брызгалов, назначенный ещё Павлом и демонстрировавший Петербургу непоколебимую преданность павловскому мундиру и памяти безумного императора.

Иван Брызгалов, сын тверского крестьянина, был истопником Гатчинского дворца в бытность Павла ещё наследником.

После воцарения его он сделал, как все гатчинцы, блестящую карьеру. Простого мужика каприз Павла превратил в статского советника, что по табели о рангах равнялось бригадиру.

Кастелян Михайловского замка после смерти Павла всюду являлся в павловской форме, обращая на себя всеобщее внимание. В обществе над ним смеялись, Орловский рисовал на Брызгалова карикатуры, но это лишь служило его пущей известности. В каждом большом городе есть свой сумасшедший, вот и Брызгалов стал живой достопримечательностью Петербурга, главным из чудаков эпохи. Ему покровительствовал граф Аракчеев, а царь Александр делал вид, что никакого Брызгалова нет на свете. Ханжа и невежда, Иван Брызгалов хотел быть живым олицетворением верности.

Его шаги гулко отдавались под ободранными сводами замка. Губы старика шевелились. Но он не молился. Он повторял, припоминая, безумные остроты Павла, за которыми прежде всего следовал хриплый смех самого венчанного острошлова.

В пустыне Михайловских зал Брызгалов пробовал эхо:

— В вашем полку все якобинцы!

Грозное лицо делалось вдруг ласковым, и Брызгалов милостив, говорил сам себе:

— Я знаю, ты мой верный слуга!

Внезапно он становился надменным:

— При моём дворе велик лишь тот, с кем я говорю, и лишь пока я с ним говорю!

Хотя старик был невежествен, у него была цепкая память.

Иногда он вздыхал, впадая в философское настроение, и цитировал подслушанные где-то стихи;

На скользком ипподроме света

Все люди бегатели суть.

Но сразу же вспоминал, что автор этих стихов, как и прочие, отрёкся от Павла и приветствовал «перемену царствования». На лице Брызгалова появлялось выражение возвышенного упрёка.

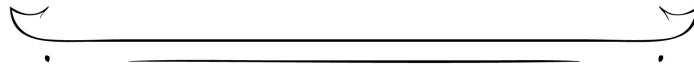
— Ах, Гаврила Романыч, Гаврила Романыч! — бормотал он.

— Тебе ли, взысканному милостями покойного монарха, забывать о светлых днях царствия его... Увы, увы, сколь безмерна людская неблагодарность! Все пропало окромя чести.

Он спускался по длинным лестницам, выходил на коннетабль, отдавал честь Петру Великому и шептал:

— Всегда на страже, ваше величество!

Казалось, время было не властно над Брызгаловым. Шли годы, сгорела Москва, Наполеона прогнали из России, взяли Париж и под трофейную музыку, с бодро развёрнутыми знамёнами, возвратились обратно. Император Александр, баловень Европы, свёз в свою столицу все лавры, коими его увенчали державы Запада. Вскоре однако в его душе начала развиваться меланхолия и сугубая

набожность, наложившие резкую печать на остальную пору его царствования. В 1817 году министром народного просвещения и духовных дел был сделан Александр Николаевич Голицын. Когда-то император Павел камер-юнкера Гурьева и молодого князя Голицына выслал из столицы «за глупость». Теперь оба они стали министрами.

Назначение Голицына знаменовало эру александровского мистицизма. Религиозные искания стали модой. В том же году дочь придворной дамы вдовы Буксгевден, жившей на покое в Михайловском замке, госпожа Татаринова, от рождения лютеранка, перешла в православие и начала устраивать свои радения на манер хлыстовских. Скоро о секте Татариновой заговорил весь Петербург. Шли слухи об экстазах и пророчествах; сам министр Голицын посещал радения в Михайловском замке.

Кастелян замка Брызгалов, слегка усохший, но ещё крепкий, по-прежнему разгуливал по городу, как живой призрак павловской эпохи. Радения в замке его не касались: они устраивались на квартире, где жила Татаринова с матерью.

К госпоже Татариновой благоволила императрица.

Ивану Семеновичу Брызгалову предстояло пережить всех героев нашего повествования. Он умер восьмидесяти восьми лет отроду — в 1841 году.

Мы же ведём сейчас разговор о 1817 годе. В этом году лицей в Царском Селе выпустил в свет своих первых воспитанников. В числе их был Александр Пушкин.

III

Спустя шестнадцать лет после смерти Павла в одну тёмную ночь два друга, гусар Каверин и коллежский секретарь Пушкин, проезжали на извозчике мимо Михайловского замка. Пушкин спросил:

— Пьер, знаешь ли ты, что в этом доме черти водятся?

— Душа моя, ты мелешь вздор! Какие черти? Чертей не существует. Здесь в одну только ночь в году является покойник Павел и стучится в дверь опочивальни — выйти хочет.

— В какую ж это ночь?

— Ясное дело — в ночь на 12 марта.

Извозчик, услышав эти речи, перекрестился и слегка обернулся:

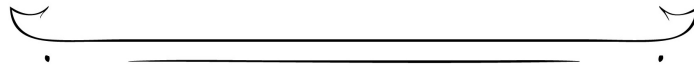
— Господа-милостивцы, а пошто он выйти-то хочет?

Пушкин мгновенно ответил:

— Должно быть, судна не сыщется никак!

Извозчик украдкой плюнул и хлестнул свою пару.

Но Пушкина и всерьёз занимала история убийства Павла, которого он считал «романтическим императором». Переиначивая известный афоризм Шамфора: «Французское правление — это абсолютная монархия, ограниченная песнями»,

Пушкин говорил:

— Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой.

Фраза стала так популярна, что авторство её забылось: позже её повторил маркиз де Кюстин в своей книге о России.

Вчерашний лицеист, проникнутый идеями свободы, Пушкин задумал стихотворение на тему о произволе деспотов и постигающей их неминуемой каре, на примере Наполеона, вот уже два года томившегося на Святой Елене, и Павла Первого, задушенного в Михайловском замке. В те годы он часто посещал братьев Тургеневых, живших на Фонтанке напротив этого замка. Меньшой из братьев был Николай Тургенев, вокруг которого собрался кружок молодых вольнодумцев.

Поглядывая из окон дома Тургеневых на Михайловский замок, Пушкин не раз заводил разговор о событиях его короткой, но бурной истории. Кто-то предложил ему написать стихотворение о замке.

— Принято! — со смехом воскликнул Пушкин.

Одним прыжком он вскочил на длинный стол, стоявший у окон, и растянулся на нём. Слуга принёс бумагу, перо и чернила. Пушкин принялся за работу.

На самом деле ода была почти готова в его уме и отчасти даже записана, но он в молодости любил такие маленькие мистификации.

Через час с небольшим он спрыгнул со стола и попросил внимания. Общество оставило свои разговоры, и Пушкин начал читать:

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!

С первых же строк слушатели были захвачены: они слышали блестящее поэтическое выражение собственных взглядов; особенно чувствовалось влияние Николая Тургенева, сторонника конституции и освобождения крестьян, дух занимался от вызывающей дерзости поэта:

Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

И далее он переходил к изложению программного требования кружка о подчинении монархов конституции, воплощающей идею «общественного договора»:

Владыки! вам венец и трон
Даёт закон — а не природа,
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

А в качестве урока для деспотов, не признающих «вечного закона», поэт напоминал о смерти Павла, обращаясь к мрачному каменному аргументу истории:

...Глядит задумчивый певец

На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенья брошенный дворец —
И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигуллы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.
Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

Для него одинаково представлялись злодеями и Павел, жестокостью и дикими капризами превзошедший древнего императора Калигулу, и его предатели-клеветы, подобные янычарам турецкого султана.

В заключение он обращался к царям с призывом:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Слушатели вскочили с мест и устроили овацию.

— Bravo, Пушкин!

Прижав руку к сердцу и весело скаля свои сахарные зубы, он раскланивался на все стороны. Несколько рук протянулось к его листкам, и он, не глядя, отдал оду в эти руки.

И вскоре эти молодые руки, заменив собою печатный станок, рассеяли оду «Вольность» во множестве копий по Петербургу, а там и ещё дальше. К юной славе лицейского чудо-ребёнка прибавилась новая и грозная слава тираноборца.

Открытие Биржи

I

В конце 1801 года в доме поэта Державина собрался небольшой круг друзей, мирно судачивших о дворе, правительстве и литературе. Назначение Державина министром юстиции было уже делом решенным, но об этом говорили вполголоса. Было хорошим тоном острить над молодыми друзьями государя, особенно над Новосильцевым и князем Чарторижским, которого в Петербурге называли «monsieur Vobo».

— Еще один любимец объявился, — сказал желчный адмирал Шишков, — слышали? Фома де Томон собирается перестраивать Биржу.

— Де Томон? Кто таков? — спросил граф Хвостов.

— Французский архитектор, — ответил живописец Боровиковский, — профессор оптики и першпективы.

— Без году неделя в Санкт-Петербурге и сразу получил такое сооружение! — сказал Шишков. — Вот как у нас нынче дела делаются!

Столица была взбудоражена известием, что молодой государь выразил желание возобновить строительство Биржи и доверить это дело новому человеку, а для начала разобрать незаконченную Биржу Кваренги. Она была заложена Екатериной на Васильевском острове еще в 1782 году, даже подведена под крышу, но в 1787 году брошена из-за войны с турками, да так и осталась недостроенной. Между тем, коммерция сильно возросла, в 1799 году была основана Российско-Американская компания, в Европе наступил мир, и Петербургу была нужна новая Биржа.

— Кваренгиева Биржа стоит у самой воды, — почтительно заметил адмиралу Боровиковский. — Кругом теснят ее другие строения, да и само здание мало поместительно. Надобно строить Биржу заново.

— Да что построил этот ваш Томон? — возразил адмирал Шишков. — Всем ведомо искусство Кваренгия, достанет хотя бы взглянуть на Смольный, а ваш профессор першпективы умеет лишь бумагу марать, благо она терпит.

В беседу вступил хозяин дома:

— В позапрошлом году покойный царь допустил господина де Томона к конкурсу на проект нового Казанского собора.

— Но победил-то Андрюшка Воронихин! А что сделал француз?

— Он начертил и подал какую-то дурацкую ротонду, для православного богослужения вовсе не пригодную, — ответил Державин.

— А я что говорю! — с триумфом воскликнул Шишков.

Боровиковский молчал. Не мог же он признаться, что в кармане у него лежит карикатура двух озорных мальчишек, Орловского и Кипренского, на которой

нарисован великий Кваренги, в бешенстве ломающий куклу с лицом Томона. В доме Державина чтли государя, но не жаловали его ближайших друзей и новые увлечения.

Очаровательно-приветливый, высокий и статный государь-император и государыня Елисавета Алексеевна возбуждали всеобщую любовь. Отношения между ними казались прекрасными, они еще не пережили смерти своих дочерей и других испытаний своего несчастного супружества. Обнадеживающая молодость августейшей четы изменила облик русского двора: в моду вошло все новое. По примеру посланника Французской республики, красавца Дюрока, все щеголи столицы уже остриглись à la Dugos, сделав прическу наподобие римской; статский советник Леванда, известный своим переводом «Фоблаза», уже принимался за «Вредные знакомства» Шодерло де Лакло; сам Державин предпринимал первые осторожные шаги к тому, чтобы добиться снятия запрета с прославленной «Ябеды» его друга Капниста. В полосу перемен удачно попал и бернский уроженец Тома де Томон.

На вечеринку к Державину прямо из дворца приехал Иван Иванович Дмитриев, друг хозяина. Услыхав споры вокруг Биржи, он передал слова государя, недавно сказанные Кочубею о Томоне:

— «J'ai vu son plan de la Bourse. Il faut le corriger, mais ce monsieur promet bien des choses».

Этим было сказано все: Томон понравился его величеству. Адмирал Шишков засопел и отвернулся: он терпеть не мог Дмитриева за ловкость и уживчивость со всем светом. Как можно одновременно дружить и с Державиным, и с Карамзиным? «Нельзя работати Богу и маммоне!»

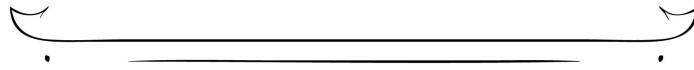
Несмотря на воркотню стариков, Томон одолел. Вскоре после описанного разговора, он был утвержден профессором Академии художеств.

Томон неутомим работал над проектом Биржи. В то же время благосклонное внимание государя сделало его модным архитектором и снискало ему ряд новых заказов. В 1801 году граф Иван Степанович де Лаваль, французский эмигрант, женившийся на сказочно богатой внучке горнозаводчика Мясникова, поручил де Томону перестройку с в о е г о дворца на Английской набережной в Петербурге.

II

Только пятый томонов проект Биржи был в 1804 году утвержден Академией. Француз доказал, что нужно отказаться от места, выбранного Кваренгием. Недостроенная Биржа была сломана, и 23 июля 1805 года состоялась торжественная закладка новой — по проекту де Томона. Это было за 4 месяца до битвы при Аустерлице.

Шли годы. В Тильзите был заключен мир с Наполеоном. Прежним друзьям государя пришлось уйти. Накануне отставки Кочубея государь сам привез фрейлинский шифр его дочери; хорошо зная характер государя, Кочубей тотчас стал

укладываться в дорогу. Но после этой отставки государь сохранил главного кочубеева сотрудника — поповича Сперанского, вскоре вошедшего в большую силу.

Послами в Россию император Наполеон направил двух участников убийства герцога Энгиенского — Савари и Коленкура. Высший свет Петербурга оказал обоим ледяной прием. Первый вскоре уехал, зато второй играл роль римского проконсула в усмирённой провинции. Россия, вынужденная присоединиться к континентальной блокаде, увидела, как замирает торговля в ее гаванях. Война с Англией велась вяло с обеих сторон, но все же колониальные товары исчезли с русского рынка. В общем употреблении публики не было ни кофе, ни виноградных вин; конечно, богатые люди ели и пили, что хотели, но все прочие терпели недостаток и роптали на союз с Францией.

Дворянство роптало громче всех, ибо Англия была главным покупателем русского леса, хлеба и пеньки; с блокадою доходы русского дворянства катастрофически сократились. Казна выпускала массу ассигнаций, рассматривая их как скрытый налог. Ценность бумажного рубля непрерывно падала: в 1807 году за него давали 67 копеек серебром, а в 1810 — уже только 25 копеек.

Правда, континентальная блокада дала грубый толчок русской промышленности. В 1809 году правительство ссудило промышленникам 2 миллиона рублей для устройства новых суконных фабрик.

По всей Европе страшно вздорожал сахар, все рафинадные заводы почти остановились: не было заморского сырья. Ведь тростниковый сахар-сырец всегда привозили англичане из колоний, в Европе его только рафинировали (очищали), а сахара из белой свеклы почти не делали. Теперь пришлось взяться за ум. В 1809 году Мальцев открыл свой завод и начал варить свекловичный сахар.

По смерти графа Васильева в 1807 году государственным казначеем (министром финансов) стал Голубцов, а товарищем при нем остался Гурьев. Он сделал карьеру благодаря женитьбе на графине Салтыковой и покровительству молодых друзей государя. Однако после Тильзита Гурьев сблизился со Сперанским, который Голубцова терпеть не мог. В 1810 году по неосторожности своего секретаря Голубцов был изобличен во взятках и вышел в отставку: место его занял Гурьев.

Граф Кочубей говорил, что Гурьев обладает умом не поворотливым.

— Ему трудно удержать равновесие рассуждений, — изящно выражался Кочубей, сам человек весьма «поворотливого» ума.

В 1810 году состоялось повышение тарифных ставок. Новый тариф был введен с начала 1811 года, пошлины на все ввозимые промышленные товары повысились на 50 процентов. В условиях континентальной блокады новый тариф направлялся против Франции. В 1811 году Наполеон заявил перед Законодательным Корпусом:

— Мелочные меры России не повредят нашим фабрикам.

Вся Европа в многозначительном молчании наблюдала крушение тильзитской

дружбы. Когда русское правительство договорилось с известным Жаком Лаффитом о займе, чтобы поправить расшатанные русские финансы, Наполеон отказался гарантировать соглашение.

Петербургская Биржа была построена уже в 1810 году, но отделка ее затянулась. Да и к чему было ее открывать, коли морские пути были перерезаны, а торговля лежала в параличе? Зато в 1811 году государь открыл в Царском Селе лицей для детей русской аристократии.

В марте 1812 года произошло внезапное падение Сперанского, а в июне Наполеон перешел через Неман во главе 600-тысячной армии.

За громами неслыханных войн и фанфарами побед русское общество почти не заметило, как в 1813 году умер Тома де Томон.

III

Летом 1815 года, когда мир жил вестями с сырых полей Ватерлоо, в Санкт-Петербурге увидели чудо средь бела дня: по Неве против течения, поднимая волну и извергая дым из 25-футовой железной трубы, шло судно без весел и парусов. Это был первый в России «с т и м - б о т», сооруженный известным заводчиком Бердом.

Шотландец Берд еще в 1792 году превратил мастерскую своего тестя Моргана в большой чугунно- и медолитейный завод на Гутуевском острове в Петербурге. Благодаря энергии Берда завод стал получать много заказов и приобрел европейскую известность. В 1815 год Берд вделал паровую машину в обыкновенную тихвинскую лодку и насадил на вал гребные колеса, скрытые в дощатых футлярах. В кормовой части «стим-бота» были поставлены под навесом скамьи для посетителей. В тот знаменательный день на «стим-боте» проследовала по Неве императрица и дала свое милостивое согласие на то, чтобы судно наречено было именем «Елисавета».

Первым в России применив изобретение Фультона, Берд основал пароходство на Неве, а вскоре получил исключительную привилегию на все реки Империи.

Страна начинала оживать после разорительных войн. Открылись моря, воскресла торговля, тариф от 31 марта 1816 года был составлен «в свободном духе». На юге молодая Одесса вырастала со сказочной быстротой, обгоняя в хлебном вывозе богатый Таганрог. Российско-Американская компания, снарядившая в недавние трудные времена кругосветные плавания Крузенштерна и Головнина, спешила извлечь выгоду из открытий своих мореходов. И наконец, в Петербурге было закончено здание Биржи. Ее торжественное открытие состоялось 15 июня 1816 года.

Перед началом церемонии к Берду подошел Иван Васильевич Кусов, хозяин крупнейшей торговой фирмы Санкт-Петербурга.

— Знаете ли, господин Берд, во что обошлось сие сооружение? В один миллион сто двадцать пять тысяч рублей.

О! — сказал Берд. — Правительство имело великодушность.

Кусов вывозил лес, сало, пеньку и железо, а ввозил в огромном количестве колониальные товары. Он едва ли не первым начал непосредственно торговать с Америкой, был одним из учредителей Американской компании, завел в столице несколько фабрик и заводов. Берд уважал Кусов; они заговорили о ценах на железо.

— Англия производит два крат более железо, нежели 15 лет назад. Потом будет еще более, гораздо много более.

— А что слыхать о ломателях машин? — спросил Кусов.

— О, их немножко повесили, теперь покойно. Читали в газетах новое изобретение *sire Humphry Davy*? Он изобрел а *safety lamp* — такой ламп для рудокопов, чтобы не зажег руднишный газ.

— Предохранительная лампа? — смекнул Кусов.

— О да! Можно будет сильнее копать каменный уголь.

— Да, этак литейное дело в Англии еще пуще пойдет. Сир Гомфри Деви — золотая голова.

— Какое изящное здание! — обратился к ним коммерции советник Яков Николаевич Мольво. — Жаль, бедняга Томон не дожил до сего дня...

Кусов, Берд и сахаровар Мольво составляли внушительную группу. Стройная дама, беззастенчиво лорнируя их, со смехом сказала своему спутнику:

— *La Terre repose sur le trois ййphants!*

Три слона петербургского индустрии проводили насмешницу холодными взглядами. Ирония аристократов их не трогала.

— Ну, господа? Как вам нравится новый храм Меркурия? — покровительственно спросил Гурьев, здороваясь с капиталистами.

— Храм, воистину храм! — любезно ответил Кусов. — Портик страсть как хорош, колонны огромные...

— Дорический орден, — сказал Гурьев тоном знатока.

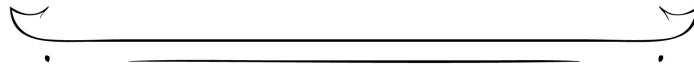
— Каков длина зданиэ? — спросил Берд.

— Сорок сажень, — ответил Гурьев.

Он прибавил одну сажень для круглого счета.

Биржа стояла обособленно, ее фасад украшала колоссальная группа, коей главная фигура — статуя Нептуна — была обращена к Крепости. Вокруг всего здания шел действительно великолепный портик из 44 колонн, «достигавших до аттика под крышею». Зала биржевых операций (*la salle publique*) занимала всю внутренность здания кроме восьми лишь комнат для производства всех письменных дел. В скульптурах внутри и снаружи преобладали Нептун, владыка морей, и Меркурий, бог торговли, в окружении аллегорических фигур Навигации и Рек: этим подчеркивалось, что Биржа есть сердце Санкт-Петербургского порта.

Эффект здания увеличивался находящейся перед его фасадом гранитной

набережной и царственной Невой. С обеих сторон переднего фасада возвышались две огромные ростральные колонны: на каждой из них три атланта поддерживали сплюснутый и пустой шар, в коем должно было зажигать сигнальный огонь, дабы сии огни в пору осенних туманов служили маяками для хода судов. У подножия колонн группировались фигуры Волги, Дона, Днепра и Волхова. Перед зданием Биржи, на крайнем углу Васильевского острова, была построена великолепная гранитная пристань.

Темный гранит набережной, красноватые ростральные колонны и светлая Биржа составляли красивый цветовой контраст.

— Такою Биржею не располагает ни одна нация! — теперь вам, господа негоцианты, только торговать да богатеть.

— На все воля божия, — ответил Кусов, снимая цилиндр и крестясь на петропавловский шпиль.

Торжественное открытие Биржи стало очередным триумфом ее августейшего основателя. Впрочем, он пекся не только о купечестве, но и о дворянстве, заботясь о сохранении дистанции между сословиями: 6 ноября 1816 года специальный указ лишил промышленников из купеческого звания права покупать крестьян. Преимущество пользоваться бесплатным трудом осталось за промышленниками-дворянами. Тем самым купечество было ущемлено в конкуренции с последними.

В 1816 году при Санкт-Петербургской Бирже был создан первый в России биржевой комитет.

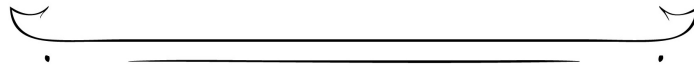
Купечество еще допивало здравие основателя Биржи, когда Константин Батюшков писал свою «Прогулку в Академию художеств».

В этом очерке он восклицал: «Посмотрите на Васильевский остров, образующий треугольник, украшенный биржею, ростральными колоннами и гранитною набережною, с гранитными спусками и лестницами к воде. Как величественна и красива эта часть города! Вот произведение, достойное покойного Томона, сего неутомимого иностранца, который посвятил нам свои дарования и столько способствовал к украшению Северной Пальмиры!»

Наряду с Крепостью, Дворцом и фальконетовой статуей Петра, Биржа стала одним из главных символов Санкт-Петербурга.

Корабли с бакалейными и пряными товарами, апельсинами, хлопком и красным деревом осеняли набережную Биржи густым лесом своих мачт. В курсовые дни по ступеням Биржи поднимались первостатейные купцы, сновали маклеры, шествовали чужеземные капитаны.

7 мая 1817 года был учрежден Государственный коммерческий банк. Умножались бумагопрядильные фабрики, сахароваренные и винокуренные заводы, по России прокладывались первые шоссейные дороги, шумели ярмарки, вонзались кайлы в новые золотые жилы, а в тундрах Уналаски купцы Российско-Американской

компания выменивали у эскимосов меха, получая барыша рубль на рубль, а то и более. Сердце российской коммерции билось на Стрелке Васильевского острова. Под сводами Биржи из ярославцев и тверитян, немцев, выкрестов и греков медленно сплывало то племя поклонников Меркурия, которому предстояла в будущем власть над Россией — недолгая, но причудливая.

Карьера графа Аракчеева

I

Аракчевы были род старый, но захудалый. У отставного поручика Андрея Аракчеева в начале царствования Екатерины была в Бежецком уезде деревенька в 20 душ; там и родился в 1769 году сын этого поручика, получивший имя Алексея. Читая мальчик научился у сельского дьячка. В 1783 году генерал Мелиссино (с которого лепили, по его необычайному сходству, лицо Петра Великого для известной статуи Фальконе) пристроил юного Алексея Аракчеева в артиллерийский кадетский корпус в Петербурге. К историческим и словесным наукам кадет Аракчеев склонности не обнаружил, но усердно занимался военными науками и по математике имел хорошие баллы. В 1785 году был произведен в капралы и оставлен при корпусе для преподавания артиллерии, а через два года поручил чин подпоручика. В 1790 года Аракчеев был назначен адъютантом к директору корпуса генералу Мелиссино в чине капитана.

По рекомендации того же Мелиссино капитан Аракчеев в 1792 году поступил к наследнику Павлу Петровичу начальником пешей артиллерии гатчинского гарнизона и проявил такую энергию, точность и такую автоматическую исполнительность, что цесаревич увидел в воплощение своего прусского военного идеала. Скоро Аракчеев был назначен комендантом Гатчины, а затем — начальником всех сухопутных войск великого князя. Немцы гатчинского двора, видя такое благорасположение великого князя Павла Петровича к Аракчеву, поспешили с ним подружиться.

Тайная ненависть между государыней и ее сыном отражалась на русской армии. Если гатчинцы оказывались в столичных кабаках, то кабатчики заранее убирали посуду: гвардия не давала проходу гатчинцам, их били все кому не лень. Принадлежать к партии наследника было нелегко.

Зато потом они отыгрались!

7 ноября 1796 года, при восшествии Павла на престол, Аракчеев был поставлен санктпетербургским комендантом. Так как его чин подполковника не соответствовал этому посту, государь на другой день произвел его в генерал-майоры. Вскоре он получил орден святой Анны I-го класса, потом орден святого Александра Невского. В 1797 году государь пожаловал коменданту столицы баронское достоинство и 2000 душ с правом самому выбрать губернию. Аракчеев выбрал Новгородскую — село Грузино. Таким-то образом Грузинская волость была пожалована Аракчеву в вечное и потомственное владение.

В 1798 году оскорбленный генерал-лейтенантом Аракчевым подполковник Лен, один из сподвижников Суворова, кончает жизнь самоубийством, ибо вызвать на

поединок генерал-лейтенанта он не в праве. Лена любили, поднялся страшный шум, и 18 марта 1798 году государь увольняет Аракчеева в отставку за «излишек усердия».

Но 22 декабря 1798 года барон Аракчеев вновь принят в свиту его императорского величества с отданием старшинства. Уже 8 января 1799 года он пожалован командором ордена святого Иоанна Иерусалимского, а 5 мая удостоен графского титула. В его новый герб император собственной рукой вписывает девиз: «Без лести предан».

— Бес, лести предан! — тотчас скаламбурил Павел Иванович Сумароков.

Новопожалованный граф — инспектор всего русской артиллерии и командир гвардии артиллерийского батальона.

Осенью 1799 года произошел скандал в столичном арсенале: во время караула солдат обрезал золотой галун и кисти старинной колесницы. Граф Аракчеев донес, что караул был отряжен не от его брата, а от другого генерала, но последний изобличил графа. Обнаружив, что Аракчеев пытался его обмануть, император Павел пришел в ярость и 1 октября 1799 года уволил Аракчеева в отставку «за ложное донесение о беспорядках». Граф покинул Петербург и ушел в частную жизнь.

Предчувствуя заговор, император весной 1801 года вызвал к себе из отставки двух слуг, снискавших всеобщую вражду своею бесчеловечной ревностью в исполнении любых приказаний: генерала Линденера и графа Аракчеева. Но военный губернатор Петербурга Пален, душа заговора, приказал на заставах не впускать Аракчеева в город. Впрочем, гра почему-то не выезжал из Грузии.

Возведенный на престол убийцами, Александр Павлович прежде всего поспешил от них избавиться. Постепенно павловы слуги, задвинутые в тень, начали вновь поднимать голову. В мае 1803 года граф Аракчеев был вновь принят на службу на свое прежнее место инспектора артиллерии и командира лейб-гвардии артиллерийского батальона. В 1805 году он сопровождал государя в фатальном походе, который ознаменовался поражением при Аустерлице.

Граф Аракчеев не участвовал ни в одном сражении.

В 1807 году он был произведен в генералы-от-артиллерии, 13 января 1808 года был назначен военным министром, а затем также генерал-инспектором пехоты и артиллерии, подчинением ему комиссариатского и провиантского департамента. Ему еще не было сорока лет.

II

Всем понятно, почему Павел Первый возвысил Аракчеева: тот полюбился государю необычайной скоростью и точностью исполнения приказов, а также строжайшей дисциплиной, которую умел поддерживать он в подчиненных при помощи многочисленных и беспощадных наказаний.

Но Александр Павлович был совсем не похож на своего отца. Однажды, в пору освобождения Европы из-под наполеонова ига, государь подобрал на дороге умиравшего бедняка, подвез в своей карете, обогрел и накормил, за что человеколюбивое общество в Лондоне наградило Александра Павловича золотой медалью. Граф Аракчеев, проявивший себя лишь на поприще снабжения армии и ненавидимый за свою холодную лютость, представлял собою антитезу мягкому и гибкому характеру государя. Почему же Александр Благословенный так жаловал «гатчинского каптернамуса»?

Впоследствии фельдмаршал Дибич давал этому такое объяснение:

— Главнейшее достоинство графа Аракчеева состояло в том, что он был необыкновенно трудолюбив. Государь, чувствуя себя слишком добрым, желал иметь при себе человека строгого, непоколебимого, который бы делал перевес его доброте, и для сего выбор пал на Аракчеева.

Это уже довольно ясно, но окончательно поясняет причину своей карьеры сам граф Аракчеев. С 1808 года он был в очень хороших отношениях с Ермоловым — одновременно отважным боевым генералом и тонким интриганом. Ему-то в минуту откровенности граф сказал:

— Много ляжет на меня незаслуженных проклятий.

Империи не держатся без страха: «*oderint, dum metuant*», как часто повторял Калигула. Но государь Александр Павлович не мог и не хотел внушать ненависть и страх, он был не так воспитан.

Так пусть же у трона его стоит угрюмый пес, который будет вместо него нагонять на всех ужас своею кровожадною пастью и хриплым лаем.

Александр Павлович мог явно творить благодеяния и скрытно совершать противоположные действия: последние всегда приписывались в публике его псу и умножали те «незаслуженные проклятия», о которых с мрачной гордостью говорил Ермолову граф Аракчеев.

Его одиночество в свете, презрение к нему аристократии и жгучая ненависть армии служили в глазах государя гарантией верности: за три шага от трона Аракчееву уже некуда было пойти.

Он не брал взяток и был практически неподкупен. Правда, люди вскоре справились с этим последним недостатком графа.

Дело в том, что он был весьма женолюбив. Еще в 1796 году он взял в дом

⤿
⤿

молоденькую крестьянку Настасью Минкину. Вскоре после того он женился на девице Хомутовой — нежной, воспитанной, из хорошей фамилии. Графиня не выдержала супружества с Аракчевым, и они разошлись. Настя Минкина осталась «домоправительницей» графа, его х о з я й к о й и тайной советницей.

В то же время у графа была фаворитка из высшего класса — жена бывшего обер-секретаря Синода Варвара Петровна Пукалова, миловидная, умная и образованная. Внебрачная дочь Петра Мордвинова, она принесла в приданое мужу тысячу душ крестьян; став б л и з к а к графу Аракчеву, она еще более обогатила и мужа, и себя.

Иван Антонович Пукалов, который был на 30 лет старше своей хорошенькой жены, добродушно и совершенно открыто говорил в свете:

— Через Варвару Петровну я могу добиться у графа ч е г о у г о д н о.

В свете он прослыл источником всех благ и за хорошую мзду раздавал места просителям.

Сам Аракчев не брал, но дамы его сердца вполне брали. Варвара Петровна Пукалова не только принимала подарки от искателей фортуны, но даже выпрашивала и требовала их. Она стала показываться на всех балах и блистала роскошью.

— Вы видели, на какой паре изабелиной масти разъезжает Варька Пукалова? — то и дело слышалось в свете. — Вы слышали о новом колье Пукалихи? Оно стоит сто тысяч! Знаете последний анекдот о Варьке и об одном чувствительном графе? Видели вы жемчуга мадам Пукаловой? Она блистает, как жена Великого Могола!

И в виде неизменного заключительного аккорда следовало:

— Какая наглость!

Между тем, граф Аракчев принимал деятельное участие в организации войны со шведами, которую Наполеон разрешил русским после Тильзита. По военному министерству граф провел множество административных перемен. Он очень мало спал и был по-прежнему полон энергии. Чуть не на каждом конверте, когда ему подносили письмо на подпись, граф Аракчев надписывал своим кривым почерком: «Нужное в собственные руки» — и фельдъегери скакали сломя голову.

Когда государь утвердил административную реформу Сперанского — создание Государственного Совета, граф Аракчев оставил пост министра: в открытом 1 января 1810 года Государственно Совете он был назначен председателем военного департамента с правом присутствовать в Сенате и комитете Министров.

В кампании 1812 года граф заботился о создании резервов и снабжении армии продовольствием. Это было не его время, он терпеливо переживал войну, зная, что герои не умеют управлять.* Граф Аракчев сопровождает государя в его триумфальном путешествии по Европе. Он достигает «неограниченного доверия»

* Далее — зачеркнутый текст: «Кутайсов убит, Багратион умер от раны, князь Смоленский умер... Остальных —на покой!»

⤿

Александра Павловича. Он оказывает все возрастающее влияние на гражданское управление. Он становится в с е м о г у щ и м.*

24 декабря 1815 года графу Аракчееву были поручены доклады по делам Комитета министров.

В феврале 1816 историограф Карамзин приехал в Санкт-Петербург для представления государю первых восьми томов «Истории Государства Российского». Тщетно он ждал аудиенции; наконец, ему намекнули, что граф Аракчеев ожидает его визита. 14 марта Карамзин, скрепя сердце, поехал к Аракчееву. Граф ему сказал:

— Учителем моим был дьячок. Мудрено ли, что я мало знаю? Моё дело исполнять волю государеву. Если бы я был моложе, то стал бы у вас учиться, теперь уже поздно.

В его устах эти отрывистые фразы означали любезность. И последствия визита к графу сказались мгновенно: на другой же день император Александр дал историку чрезвычайно милостивую аудиенцию, обнял его при встрече и проговорил с ним более полутора часов. На печатание первых восьми томов «Истории» было дано государем 60 тысяч рублей. В сущности, и граф Аракчеев, и государь всё ещё жили под обаянием «Бедной Лизы» и в глубине души чтили Карамзина, несмотря на его неоднократно проявленную строптивость.

III

Именно граф Аракчеев явился исполнителем одной заветной идеи государя императора — создания военных поселений.

Государь считал военные поселения благодеянием для мужичков: они могли теперь отбывать службу и одновременно пахать свою любимую ниву. Мужички ведь очень любят пахать свою ниву.

Первый опыт был сделан в Новгородской губернии, возле Чудова. Облагодетельствованные крестьяне подали государю прошение «О защите крещёного народа от Аракчеева». Некоторые приближённые государя также возражали против военных поселений.

В 1816 году в Новгородской губернии произошёл бунт поселенных. Государь, поддерживаемый Аракчеевым, остался твёрд и на все резоны против военных поселений отвечал:

— Они будут, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова.

Государь Александр Павлович с детства был мечтателем, не знавшим подлинной прозы жизни. Фантазёр, облечённый столь невероятной властью, может быть для человечества опаснее Везувия: ведь счастье людей в том, что не все их фантазии осуществимы.

* Далее следует рукописная вставка.

⤿

Военные поселения были устроены в Новгородской, Санкт-Петербургской, Харьковской и Екатеринославской губерниях* по образцу австрийской «военной границы». Государственных крестьян обращали в военных поселян, которые совмещали труд землепашцев со строевой солдатской службой. Это давало сокращение военных расходов (военные поселяне сами себя кормили) и быстрое увеличение обученных резервов. Даже у российского дворянства, столь мало чувствительного к мужицкой беде, адская жизнь военных поселян исторгала испуганный ропот. Народ скрежетал зубами, но палки и шпицрутены графа Аракчеева до поры до времени поддерживали хваленое русское долготерпение.

Штаб военных поселений находился в деревне Грузино. Никто не знал, когда граф спит: он ложился около 11 часов, а в 2 часа ночи посещал штаб военных поселений и чертежную, где в это время кипела работа. Дежурные адъютанты были при нём и оставались на ногах сутки напролёт, в полной форме. Из числа их за быстроту и неслышанно свирепое усердие граф выделил Петра Клейнмихеля, дед которого был скороходом, а отец — каптернамусом того кадетского корпуса, где Аракчеев получил образование. В память былых заслуг граф сделал каптернамуса директором этого корпуса, а позже довёл до генерал-лейтенанта!

Пётр Клейнмихель был «вторым изданием» Алексея Андреевича Аракчеева — с одним лишь исправлением: он был весельчак. Он, смеясь, прогонял сквозь тысячи палок. Граф Аракчеев, усматривая неполадки в каком-нибудь из военных поселений, говаривал:

— Разболтались? Забылись? Я к вам пришлю Клейнмихеля!

И это была страшная угроза.

В 1819 году Пётр Клейнмихель был назначен начальником штаба Управления военных поселений; государь лично узнал и оценил его.

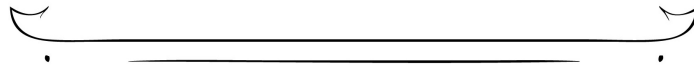
Александр Павлович бывал в Грузине, превращённом в военно-райский уголок, и Настасья Минкина собственноручно потчевала самодержца всея Руси.

Государь любил всех женщин кроме своей жены и относился с симпатией к внебрачным связям.* От своего любимого Карамзина государь усвоил, что и поселяне чувствовать умеют, а потому взирал с умилением на домашнюю идиллию графа Аракчеева.

Одни современники вспоминали позже, что Наська была беглая матросская жена, грубая, злая и подлая, «небольшого роста, с хамским лицом и грузным телом». Другие, напротив, утверждали, что Анастасия Федоровна «была весьма видная, красивая и умная женщина» и происходила из крестьян графа. Петербургская молодёжь, проникшаяся после наполеоновских войн либеральными идеями и надевшая в честь освободителя Колумбии широкополую шляпу a la Bolivar, называла Настасью

* Конец рукописной вставки.

* Далее следует зачеркнутое предложение: «При нём традиционное распутство знати приняло сентиментальный характер, чуждый фривольному веку Екатерины или показному рыцарству Павла».

Минкину грошевой шлюхой.

Народ не понимал, как же своя простая посконница смогла превратиться в некое подобие некоронованной властительницы России, а из этого недоумения рождались самые фантастические толки.

— Наська — ворожея, колдунья, ведьма, — шептались новгородские крестьяне. — Наська графу на картах ворожит, она всё в округе знает-ведает...

— Наська душу запродала нечистому, что хошь может сделать. Она графа приворотным зельем опоила и почитай что на сворке водит.

— Как царь Александра Павлыч в Грузино приезжат, она в ту пору всех кухонных мужиков прогонят, сама варит волшебный суп к цареву столу, в то варево коренья кладет, чтобы царь пуще любил графа Алексей Андреича, чёрта пучеглазого...

— А что ж это за коренья?

— Да что! Не в кореньях сила, а в заговорах: варит да нашептывает, варит да нашептывает. Вишь ты, с л о в о она знает, через то царь к графу милостив и полную волю ему даёт, а нам горе.

— Православных людей сбывают, ровно поганую кошку.

— Что с нами будет? Как жить, мужики?

— Под облак не прянешь и в воду не уйдёшь: живи, покуда можно.*

— Верно бают старoverы: остатние времена находят!

По доносам Настасьи граф порол и тиранил дворовых, тягловых людей, военных поселян; сама он особенно любила мучить женщин и девок. Настасья окружила себя невидимой сетью шпионов и шпионок. В Петербурге говорили, что она надувает графа и что Миша Шумский, аракчеевский бастард, рождён Настасьей вовсе не от него.

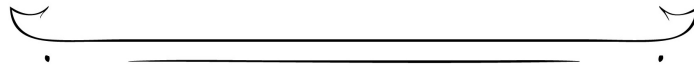
Тогда-то и пошла по рукам пушкинская эпиграмма:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? П р е д а н н ы й б е з л е с т и
..... грошевой солдат.

Да, Аракчеев «без лести предан» дешёвой распутнице!

Сам государь говорил о нём: «Человек необразованный, но единственный по трудолюбию и усердию ко мне...» Граф Аракчеев, вопреки всем законам, лишь по желанию государя, вмешивался в любые дела и на всё имел право.

* Далее зачеркнуто: «— А извести ведьму? — раздавался вдруг тончайших шепот. — Лукавой бабы и в ступе не утолчешь, а к такой никто и не подступится».

Эта мрачная харя с коротко остриженными волосами и была настоящим
лицом царствования Александра Благословенного.

Серая кошка

I

Летом 1818 года давали как-то «Днепровскую русалку». Пушкин, придя среди первого действия, разговаривал в креслах с поручиком Барковым, оперным либреттистом.

— Знаешь ли ты, что регент Филипп Орлеанский, когда ему нравилась какая-нибудь танцовка в Опере, приказывал привести её к нему в ложу и вместе с Бранкасом и Канильяком тут же раздевал её?

— Какое применение это имеет к нашему разговору? — спросил Барков.

— А такое, милый мой, что князь Пётр Иванович, сатрап императорских театров, ведёт себя наподобие регента Франции.

Из директорской ложи торчала подзорная труба, а за нею виднелись белое жабо и красное лицо князя Тюфякина, известного гурмана и сластолюбца. Печать неограниченного своеволия на этом лице выдавала настоящего большого барина, «гран-сеньёра» в русском стиле. В искусстве он не понимал ничего, был невежествен и глуп, актёров третировал как своих холопов и обращался с ними крайне цинично — особенно в послеобеденное время¹. — Суший боров во фраке! — сказал Барков.

— Добро бы, коли боров, а то ведь кабан, — возразил Пушкин. В антракте они с Барковым рука об руку отправились за кулисы. В тот год Пушкин впервые испробовал крупную игру. То ли новичкам везёт, то ли демон игры кинул ему приманку, только поначалу Пушкин выигрывал. В кармане его зазвенело золото, а в новеньком «книжнике», подаренном женщиной, шелестели крупные ассигнации. Пушкин намеревался истратить деньги с помощью кордебалета, где у него завелись обнадёживающие знакомства. А сегодня Барков представлял его Нимфодоре Семёновой, красота которой не давала Пушкину спать по ночам. Он провёл Пушкина по тёмным коридорам и постучал в одну из дверей.

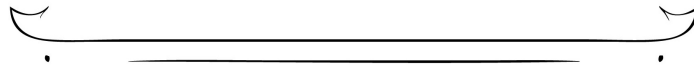
— Антре! — произнес знаменитый голос.

Молодые люди вошли в необычно богатую и празднично освещённую уборную Семёновой. Перед большим «псише» в золочёной раме сидела красавица Нимфодора, и две горничных суетливо обновляли её грим и туалет для второго действия. Барков представил Пушкина, и тот увидел её прекрасное лицо.

— Рада вас видеть в моей конурке. Земля слухом полнится, что в роду Пушкиных завёлся отъявленный проказник. Я надеюсь ещё услышать ваши забавные стишки, но сейчас недосуг.

Она милостиво кивнула и повернулась к Баркову: — Как мой туалет, дружок?

¹ Однозначные отрицательные оценки для Назирова очень характерны. Такие герои статичны и представляют собой не более чем сюжетную функцию [прим. Б. Орехова].

Барков, не отвечая, наморщил важную мину, обошёл вокруг кресла, поправил бант на плече Нимфодоры, что-то потрогал на груди, отступил на шаг и сделал жест одобрения. Пушкин, скрестив руки на груди и держа трость подмышкой, невозмутимо наблюдал эту пантомиму.

Он успел сказать певице затейливый комплимент по поводу арии первого действия, но тут в дверь просунулась лысая казённая голова и почтительно напомнила: — Нимфодора Семёновна, через минутку-с!

— Иду! — ответила она, не вставая с кресла. — Итак, господа, прошу бывать ко мне без чинов.

И она жестом маркизы протянула Пушкину руку для поцелуя. — Какова? — спросил самодовольно Барков в коридоре.

— Восхитительна! — ответил Пушкин, целуя кончики пальцев. — Но говорят, совершенная красота сочетается по большей части с совершенною же глупостию². Барков нахмурился и хотел возразить, но в этот миг они услышали детский плач — В одном из закоулков театра несколько плотников и декораторов обступили девятилетнего мальчика из театральных воспитанников, прикладывая ему к глазу пятак.

— Что тут стряслось? — спросил Пушкин.

— Видите ли, сударь, он во время дивертисменту пробежал сзади через сцену.

— Я думал... я думал... — бормотал мальчик сквозь слёзы.

— Он думал, за фигуранками незаметно будет. Ан нет, его сиятельство сразу приметили, выскочили из ложи и прибежали — велел сыскать мальца и проучили его своей ручкой... Без мала кривым не сделал.

— Чем он тебя, мой милый? — спросил Пушкин, наклоняясь к мальчику.

— П-под-зорной т-трубой...

— Покажи-ка.

Мальчик отнял пятак от глаза, и все увидели огромный синяк. — Везде одно и то же, — с отвращением сказал Пушкин.

Он вытащил из кармана первую попавшуюся монету. — Возьми себе на пряники, душа моя, не плачь. Мальчик испуганно попятился.

— Бери, чего упёрся? — заговорили вокруг. — Вишь, барин добрый, он тебя жалует, как не взять...

Мальчик нерешительно взял монету. Пушкин погладил его по голове, соорил ему смешную гримасу, и тот улыбнулся сквозь слёзы.

В странном, весёлом раздражении Пушкин вошёл в ложу своих недавних, но добрых знакомых Колосовых. Мать уже полюбила и баловала его, а Сашенька Колосова, которая ему понравилась на всеобщей великой пятнице, была без ума от

² Семёнова принадлежит к редкому в назировской прозе типу женщин, к которым протагонист не демонстрирует уважения. В этом же ряду можно назвать только комсомолку Чемоданову, нарушившую тайну переписки в рассказе «На красном сукне» [прим. Б. Орехова].

его шуток. Балетный дивертисмент кончился, на сцене появилась Семёнова, Колосовы усадили Пушкина и приказали ему молчать.

Вдруг в самом патетическом месте Пушкин снял с себя парик, покрывавший его обриту во время горячки голову. Жалуясь на жару, он принялся обмахиваться париком, как веером.

В соседних ложах оборачивались и смеялись; в креслах начали привставать, заглядывая в ложу.

— Уймись, бесёнок! — прошипела Колосова-мать. — Вы нас на весь крещённый мир острамите!

Пушкин соскользнул со стула и сел в ногах у Колосовых, прячась за барьер ложи. Он нахлобучил парик поперёк головы, как шапку. Сашенька изнемогала от смеха, закрываясь веером.

— Князь Видостан est enrhumé, — сказал Пушкин, — а Тарабар поёт, как сапожник. Всех их следовало бы высечь вместе с князем Тюфяком.

— А вы нынче злы, Александр!

— Хотел бы я знать, каким одеялом укрывается на ночь Нимфодора Семёновна, — не слушая Колосову, произнёс Пушкин.

— Да уж наверное атласным, на гагачьем пуху...

— Пуховые одеяла, у такой очаровательной женщины? — задумчиво протянул он. И пробормотал словно бы про себя: — Лучше бы она покрывалась Пушкиным.

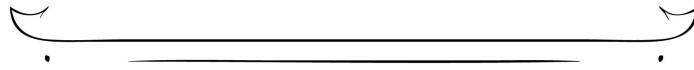
Сашенька ударила его веером. Пушкин негромко, но отчётливо тьякнул. В ложах задрожал невидимый смешок. Актёры, чуя недоброе, нервничали.

Так он просидел до конца на полу ложи, издеваясь над оперой и над игрой актёров — весело, но довольно злобно.

— Всю «Русалку» нам испортили! — журила его после спектакля Колосова-мать.

— Я напишу вам другую «Русалку», — отвечал Пушкин. Он привёл в порядок свой парик, принял приличный вид и проводил Колосовых до их кареты.

Во время разъезда, по обычаю того времени, составлялись группы, обсуждавшие спектакль и выносившие приговор, который был важнее, чем голоса присяжных критиков. Одну из таких групп образовали Катенин, Пушкин, Барков и Юрьев. Среди них кипел отчаянный спор. — Какая это «Днепровская русалка»? — гремел Катенин — Это всё та же австрийская пошлая дура «Донаувайбхен», только имена кой-как перековерканы на славянский манер, да и то без всякого смысла... — Нелепая подделка! — поддерживал его Пушкин. — Русью тут и не пахнет. Поручик Барков защищал собрата по цеху — либреттиста Краснопольского: — Какой вам надобно правды? Опера — это всегда сказка... — Так пусть это будет русская сказка! — вскричал Пушкин. Они остались одни, пора было расходиться. Пушкин остановил извозчика, как вдруг из театра вышел князь Тюфякин в сопровождении

бледной молодой женщины. Группа театралов услышала обрывок разговора. — Смотри, Глашка, осержусь! Счастья своего не понимаешь. — Ваше сиятельство, неможется мне, едва танцевала нынче. — Ври больше! Как ко мне ехать, так и хворь напала?

Князь скользнул злобно-неузнающим взглядом по группе молчаливых свидетелей, отвернулся и крикнул: — Стёпка! Подсади-ка барыньку в карету!

Рослый гайдук со зверскими усами привычным движением взял женщину под руку. В тишине раздался скрип зубов — Катенин оглянулся и увидел безобразное лицо Пушкина.

— Александр! — повелительно крикнул Катенин.

Но уже трость Пушкина со свистом рассекла воздух и хлестнула по лицу гайдука.

Тот закрылся руками — Пушкин схватил женщину в охапку, прыгнул с ней в дрожки и крикнул извозчику:

— Гони!

Испуганный извозчик ударил по лошадям. — Как вас зовут? — спросил Пушкин.

— Аглая, — отвечала ошеломленная женщина. А у подъезда театра камергер императорского двора князь Тюфякин сыпал чудовищной бурлацкой бранью и бил по щекам своего злополучного гайдука.

II

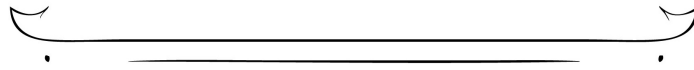
Как все слишком страстные юноши, Пушкин не был удачлив в любви. Он нравился женщинам, но всегда не тем, кого сам любил.

В лицее он был влюблён в Катеньку Бакунину, сестру одного из товарищей, написал в честь её дюжины две стихотворений, но она осталась недоступна, как Монблан.

Величаяя Карамзина, которую он страстно полюбил, отдала его письменное признание своему знаменитому супругу, и они вдвоём вымыли Пушкину голову, сделав его своим моральным должником.

Утешением обманутых надежд в Царском Селе явилась для него хорошенькая горничная из дворца. Эта простая девушка очень привязалась к нему — верное средство нагнать на Пушкина скуку.

В Петербурге после лицея у него было немало увлечений, но слава опасного шутника отпугивала от него светских Лукреций. Ему оставались доступные женщины. Он мог пламенеть поэтической страстью к Ночной Голицыной, но тратил деньги и здоровье в притонах. В эту весну его сильно взволновала Нимфодора, но при первом же знакомстве она оказалась так глупа!

В ночь после «Днепровской русалки» он не доехал до дома. Аглая, танцовщица из кордебалета, жила в маленьком домике со своей глуховатой матерью; кухарку они третьего дни рассчитали и ещё не подыскивали новой. Пройдя в свою спальню и ответив на сонные вопросы матери, Аглая отворила окно в сад. Пушкин легко взобрался через окно. В доме пахло мышами и квашеной капустой. В спальне Аглаи перед иконами уютно теплилась лампадка, на стене висела почти не различимая мадам де Лавальер. За стеной уже храпела старушка. Долго звучали в тихой комнатке шёпот и поцелуи. Через некоторое время, поглаживая увлажнившееся плечо Аглаи, он тихонько засмеялся. Молодая женщина встрепенулась: — Чему вы смеётесь?

— А ведь ты, душенька, здоровёхонька! Она тоже рассмеялась — стыдливо и принуждённо.

— Грешна, соврала я там... Уж очень тошен мне князь Пётр Иванович. У нас меж собой девицы «слюнявым» кличут. Уступчивых он возносит, гостинцы дарит, жалованье прибавляет. Только мне его милостей не надо. Отец мой был чиновник, брат служит по интендантской части. Я князю не холопка!

— Что ж ты теперь будешь делать? В театр тебе никак нельзя...

— Ума не приложу. Может быть, в Москву уеду, попрошусь в тамошнюю труппу.

Она была полна благодарности к Пушкину, столь внезапно исторгшему её из когтей сластолюбивого директора, и эта благодарность по какому-то странному психологическому закону воспламеняла чувства молодого человека. Они не спали всю ночь. Под утро Аглая в прелестном удивлении спросила:

— Ты кто?

— Я числюсь в иностранной коллегии, — недоумённо ответил Пушкин.

— Да я не о том... Как у тебя так получается? Ведь я вся горю с тобой, то смеяться хочется, то плачу — такого со мной не бывало. Не иначе ты зелье пьёшь...

— Зелье, вот вздор! Такова моя натура: мой дедушка был чёрный арап из Африки, а сии арапы в амурных делах сильнее всех в свете.

— Теперь понимаю! Ах, как мне повезло с тобой! Я так рада, что и сказать не могу. А я тебе нравлюсь? Ведь я хороша, скажи, не так ли? — Не знаю, — важно сказал Пушкин, — надо бы рассмотреть тебя получше. Она очень долго отнекивалась и упиралась. После долгих уговоров и даже насмешек Пушкина — уступила. Поднялась с постели и потянула через голову сорочку.

За окном брезжил рассвет.

Оказалось, что эта бледная и мало приметная женщина на диво сложена, что тело её отливает скользкой мраморной белизной, на которой живо пламенеют по плечам рыжеватые волосы... — Ты похожа на Венеру Медицейскую.

Пушкин протянул к ней руки, и Аглая прямо с пола прыгнула в его объятия.

III

Вернувшись домой, Пушкин спал до двух часов пополудни. Его разбудил Дельви́г, которому не терпелось прочесть ему свои новые стихи. Они читали стихи и курили трубки; Никита несколько раз просовывал голову в комнату, заполненную ароматным дымом турецкого табака, но его барин по-прежнему сидел на своей кровати в одной рубашке и с жаром толковал по-французски с Антоном Антонычем. Никита знал по опыту, что когда у барина сидит барон Дельви́г, то лучше их не тревожить, а то неровен час, могут и башмаком запустить. Наконец, Пушкин встал, принял холодную ванну, побрился и пошёл обедать к Дельви́гу, потому что в доме Пушкиных обеда в тот день не оказалось вовсе: родители обедали у Бутурлиных, а детям оставили ключи от пустого буфета.

За обедом Пушкин рассказал Дельви́гу вчерашнее приключение: секретов друг от друга у них не бывало. Дельви́г выслушал его с выражением братской зависти на лице и вздохнул: — Что ж! Хотя и небольшое, но счастье. — Ты мудрец, — сказал Пушкин, — ты один меня понимаешь. — Так не пойдём нынче в Красный кабачок? — Нет, брат, я нынче опять к ней. Во время прогулки Пушкин сочинил непристойный «мадригал» Нимфодоре Семёновой:

Желал бы быть твоим, Семёнова, покровом,
Или собачкою постельною твоей,
Или поручиком Барковым —
Ах, он, поручик! ах, злодей!

Дельви́г смеялся до упаду, а по возвращении домой записал «мадригал», который вскоре снискал шумный успех среди молодёжи и театралов.

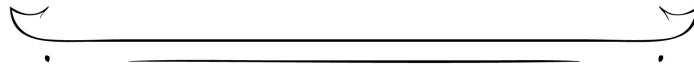
Нимфодора притворялась спокойной и знать не знала никакого Пушкина, но в глубине души горько сожалела, что слишком высокомерно приняла опасного мальчишку. Надо было приласкать его: эти поэты стали чрез меру щекотливы! Вечером Пушкин снова перебрался через ветхий забор маленького сада и тихо постучал в знакомое окошко. Аглая уже ждала его.

В ту ночь он всё же заснул и под утро был разбужен тихими и чудесными поцелуями Аглаи. Она стояла у изголовья кровати.

Стариковский сон короток, маменька скоро встанет, — шепнула она, — а я по тебе соскучилась. — Но счастье Пушкина протекло быстро.

Аглая и её мать с трудом сводили концы с концами. Пушкин едва уговорил Аглаю принять у него немного денег. Однако, как видно, их оказалось недостаточно.

В один из вечеров, подойдя к домику, Пушкин увидел, что двери его распахнуты, всюду горит свет, люди входят и выходят. Он осторожно приблизился. Немец в шляпе, видимо, лекарь, выходил как раз из ворот и важно наставлял какую-

то женщину с обличьем служанки, как кормить больную с ложечки. Пушкин похолодел. Оказалось однако, что Аглая здорова.

Когда соседки ушли из дома, Пушкин подкрался к окну. Аглаи не было видно, потом она пришла вся в слезах. Он тихо постучал, и она впервые встретила его без улыбки.

— Маменьку разбил удар, — сквозь слёзы прошептала она

— Как так?

— Пошла к Андрею, брату моему, подзаныть денег али так, за советом, а через час её привезли без памяти. Ой, горе у нас какое! Она разрыдалась.

— Да почему? — терялся Пушкин. — Что там за несчастье? — Брата разжаловали в рядовые. Она его и не видала, он уже в казарме, со дня на день отправят на Кавказскую линию... Братец мой, несчастный Андрюша! Генералы проворовались, а свалили на маленьких людей...

Пушкин услышал заурядную историю тех лет о тёмных делах интендантства, о грозной ревизии, о спешно доложенных в кассу суммах, занятых на время в других ведомствах, о предательстве старших, исполнителем и орудием которых был брат Аглаи. Военный суд был скор и немилостив к нему³. — У Андрюши всего доходу было сотни две за год, а старшие целые полки в фараон проигрывают! Боже праведный, кто заступится за нас?

В эту ночь Пушкин просидел с Аглаей всю ночь за столом, пытаясь её успокоить или хоть сколько-нибудь утешить

Старушка умерла через неделю. Пушкин помог Аглае похоронить её. Что он мог сделать? Дать полтинник на пряники?

Чернее тучи провожал он Аглаю с кладбища домой. Что же делать? Необычные мысли обременяли его столь беспечный доселе ум. Отказаться от участия и перестать творить добро?

Видимо, не деньгами мог бы он помочь людям: он не Долгорукой и не Шереметев, сам гол, как бубен, где уж пятью хлебами накормить всех страждущих и голодных. Его сила в поэзии, в неслыханном ранее слове! Именно пером может он благотворить сиротливому человечеству.

Он думал об этом и при последней встрече, о которой попросила сама Аглая. Иконы были завешены, она лежала, положив ему голову на грудь. Пушкин был мрачен и задумчив.

— Ты знаешь, я решилась...

— Что ты придумала?

— Всё равно мне жизни не будет.

³ См. «Нестареющая классика» («Газетные рецензии», с. 54): «Как раз в 1856 г. специальная комиссия правительства во главе с князем Васильчиковым раскрыла чудовищные хищения военно-интендантского ведомства в Крымской войне: через два года главный интендант русской армии генерал-майор Затлер был по приговору военного суда разжалован в рядовые» [прим. Б. Орехова].

— Да что, что ты хочешь сделать?

— Поеду в Грузино.

Он так удивился, что поднялся и сел в постели. Голова Аглаи соскользнула на его колени. Пушкин взял её за щёки и повернул лицом вверх. — Никак ты бредишь, друг мой?

— Нисколько, — отвечала она. — Я говорю въяве и в здравом разуме. — Да ты знаешь ли, кто таков Аракчеев?

— Как не знать, он и подписал сентенцию Андриюше, оттого и маменька преставилась. Пусть же он и исправляет своё зло. — Тебя к нему не допустят.

— Прокрадусь полозом. Должна быть правда на свете! Паду ему в ноги, пусть разберётся в деле самолично и помилует Андриюшу. Она снова заплакала. Пушкин не стал её разубеждать.

Он занял денег у друзей и снарядил её в дорогу. Домик был заперт на замок, цветы розданы соседям. Пушкин проводил Аглаю до заставы.

Они поцеловались на прощанье, но какой жгучий и мучительный был тот поцелуй! Маша платком вслед убегающей тройке, Пушкин с удивлением заметил, что какое-то подобие слёз щекочет ему глаза. Он почти никогда не плакал. И он понял, что успел полюбить эту женщину. Но более он никогда её не видел.

IV

— Белые стихи Жуковского решительно никуда не годятся, — заявил Пушкин — Ты становишься привередлив, — отвечал Дельвиг. Он достал из кармана платок, приложил к своей синей, раздувшейся губе, посмотрел на кровь, запятнавшую платок, и поморщился — Иди спокойнее, я ещё не отдышался, — попросил он.

На них было самое простонародное платье. Переодевшись ремесленниками, они совершили свою очередную проказу: отправились в дешёвый кабаk, куда ходили колбасники и приказчики, затеяли там драку, перебили посуду и скрылись⁴.

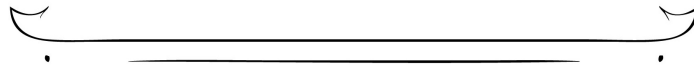
— Подлая рожа, успел он таки разбить мне губу.

— Но зато как ты его славно опрокинул! — воскликнул Пушкин. — Ах, душа моя, это был геркулесовский удар! Он перелетел через скамейку и вышиб головой кухонную дверь. По-моему, он так и не встал до конца.

Они пошли потише. На небе загорались первые звёзды. Петербург успокаивался, готовясь ко сну.

— И всё же, — вновь вскричал Пушкин, — белые стихи Жуковского плохи! Они напоминают прозу, и притом весьма нескладную... Белые стихи удаются только

⁴ Дружба Пушкина и Дельвига, искренняя и крепкая, напоминает дружбу комсомольцев из ранних рассказов Назирова. А отсутствие боязни помахать кулаками — отчётливое свойство мужских персонажей Назирова: «Сила и инициативность, не переходящая притом границ здравого смысла, видна хотя бы из несколько раз выписанной Назириным ситуации назревающей, но не случившейся драки» (Назирровский сборник, с. 33 — 34), а также сноски к этому месту [прим. Б. Орехова].

тебе. Разговаривая о недавней драке и стихах Жуковского, они выбрались с окраины. Начинались более освещенные улицы, опрятные дома. Какой-то будочник, нюхавший табак со знакомым лавочником, остолбенело проводил взором двух явно нетрезвых мастеровых, которые забылись и громко говорили по-французски. Повернув за угол, они остановились у фонаря, и Пушкин вытащил из кармана, обрывок стихотворения. Дельви́г принялся читать и не сдержал смеха. Это была пародия на одно из стихотворений Жуковского.

Послушай, дедушка, мне каждый раз, Когда взгляну на этот замок Ретлер, Приходит в мысль: что, если это проза, Да и дурная?...

— Только ради бога не рассказывай никому об этой шутке! — попросил Пушкин. Будь покоен.

Они стояли возле невысокого, но чистенького домика, в котором слышались голоса и звон чайной посуды. Сквозная изгородь отделяла от улицы дом и дворик. На крылечке дома сидела серая кошка. Пушкин стал пристально смотреть на неё. Кошка была худая и замороженная, кухарка её не баловала. Шерсть у неё была серая, только «душка» белая. Кошка поднялась, сошла с крыльца и замерла перед росшею на дворе редкой и высокой травой. Чахлая петербургская трава, но она была в диво для кошки, словно та только оправилась от болезни. Прижмуривая свои дико-печальные глаза, кошка вытянула шею и стала осторожно нюхать зелёную былинку. Пушкин схватил друга за руку:

— Смотри, брат, смотри! Видишь эту кошку?

— Вижу, так что же?

— Она похожа на мою Аглаю, — шёпотом сказал Пушкин. — Вот так она наклонялась к изголовью, чтобы меня целовать, когда я задрёмывал под утро. Дельви́г посмотрел на него сочувственно и любовно. — Что, брат, не забывается? — Нет, не забывается.

Они пошли далее. Свернули на Фонтанку. Дельви́г шёл ночевать к Пушкину. Прошло около получаса, а они не проронили ни слова. — И куда она могла деваться? — сказал вдруг Пушкин.

— Уехала в Москву...

— Нет, брат, я боюсь худого. Это была особенная женщина, не такая, как все прочие: в ней была искорка священного огня, а таким худо жить на свете. Как она стонала тогда: «Должна быть справедливость!» — Так что же с нею могло приключиться? — возразил Дельви́г. — Утопилась она, — мрачно ответил Пушкин. — Ты полагаешь, с графом Аракчеевым она сумела свидеться? Пушкин молча пожал плечами. — Как знать?

Впрочем, если бы её не допустили пред очи графа Аракчеева, то она попросту вернулась бы в Санкт-Петербург.

Канун

I

В ноябре 1824 года императрица Елизавета Алексеевна простудилась, у неё был сильный кашель и жар. Двор приуныл. Государь являл вид величайшего беспокойства и трогательной скорби.

23 ноября умер граф Уваров, командующий гвардейским корпусом. Он начал службу под знамёнами Суворова, брал Прагу в 1794 году. Человек храбрый и недалёкий, он при Павле I сделал блестящую карьеру благодаря амурным дурачествам с княгиней Лопухиной, мачехой фаворитки. Она заставила Павла перевести Феденьку Уварова из Москвы в Петербург и сделать полковником гвардии Конного полка. Однако полковнику Уварову хватило ума присоединиться к заговору Палена.

Сразу по восшествии на престол Александр назначил Уварова генерал-адъютантом. Молодой государь полюбил Уварова: ведь он не питал злопамятных чувств к авторам переворота, просто большинство их не умело скромно вести себя. Уваров умел.

В 1807 году он был в числе тех немногих лиц, которые в Тильзите сопровождали государя на знаменитый плот. В 1812 году Уваров командовал корпусом кавалерии, при Бородине стоял с Платовым на правом фланге. Армия уважала Уварова за храбрость.

Во время его похорон, ревниво косясь на бледность и слёзы государя, граф Аракчеев довольно громко сказал:

— Один царь его здесь провожает, каково-то другой его там встретит?

Окружающие с трудом сдержали улыбки. Он был далеко не глуп, этот Змей с Литейной улицы.

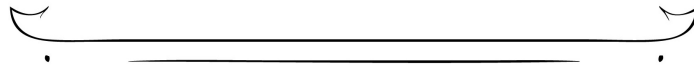
12 декабря командующим гвардейским корпусом был назначен Воинов.

Он принял гвардию в беспокойное время. В ней что-то происходило; впрочем, не только в гвардии. Все знали это.

В 1824 году государь собственноручно набросал такую записку:

«Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселёв, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх сего большая часть разных штаб- и обер-офицеров».

«Равно как и в отдельных корпусах» — включая *гвардейский!*

Пушкин в Михайловском написал очередную поэму. Зимой отрывки из «Цыган» появились в альманахах Петербурга; раздались крики восторга. Государь прочёл «Цыган» и был поражён красотой этих стихов.

— Жуковский прав, слог у него превосходный, — сказал государь. — Надо мне с Пушкиным помириться.

Лицо его при этом было печально. Поэты — всегда баловни публики, следует их менажировать. Может быть, выпустить Пушкина из деревни? Многие в столице будут довольны...

Как всегда, он ни на что не решился.

II

Весной 1825 года государь ездил на третий сейм в Варшаву. 13 июня он вернулся в Царское.

Вскоре доктора признали для императрицы Елизаветы Алексеевны пребывание в благорастворённом южном климате настоятельно необходимым.

— Петербург опасен для людей со слабой грудью, ваше величество.

Александр знал, на что они намекают. Императрице грозит чахотка. Что ж, как нежный супруг он поедет с нею.

В Петербурге было неуютно.

Для лечения государыни избрали Таганрог, давно славный своим климатом: Екатерина Великая звала Вольтера пожить в Таганроге, но тот почему-то не захотел.

Князю Волконскому, который недавно воротился из Франции с коронации Карла X, было поручено сопровождать государыню в Таганрог. Император должен был опередить её.

Незадолго до его отъезда граф Аракчеев примчался из Грузина.

— Государь, дело чрезвычайной важности!

Александр побледнел.

— Поселенные? — едва прошевелил он губами.

— Хуже, государь: во Второй армии заговор.

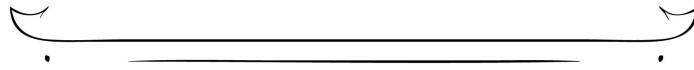
Он рассказал, что унтер-офицер 3-го Украинского полка Шервуд прислал ему донос о замыслах тайного общества во Второй армии. Граф вызвал Шервуда в Грузино: похоже, он говорит правду.

— Где он?

— Я привёз его в Петербург, государь.

Александр подумал.

— Нынче уже поздно; приведи его завтра в обычное время.

На другой день государь в присутствии графа Аракчеева выслушал сообщения Ивана Шервуда. Молодой унтер-офицер был взволнован лицезрением священной особы императора, но излагал толково.

— Алексей Андреевич, снабди его всеми средствами к открытию злоумышленников. Тебе же, Шервуд, не худо бы знать их поближе.

То был приказ проникнуть в Южное общество — и вскоре Шервуд выполнил его.

В результате этой беседы государь отменил смотр, назначенный войскам Второй армии у Белой Церкви. Он изменил свой маршрут.

28 августа Карамзин имел прощальную беседу с государем. Он намекнул монарху, что все мы смертны.

— Государь, вам более нечего откладывать, и вам предстоит ещё столько сделать, чтобы конец вашего царствования сделался достоин его прекрасного начала.

Александр движением головы и милой улыбкой изъявил согласие.

— Я дам России коренные законы.

1 сентября он покинул Каменноостровский дворец, поехал в Александровскую лавру и в начале пятого часа утра отслушал благодарственный молебен. После победы Аракчеева, Серафима и Фотия над Голицыным император отвернулся от мистиков и «обратился в православие»: строго выполнял обряды, молился и целовал руки грязным монахам. В свете хихикали. Много шептали о скандальной связи архимандрита Фотия с графиней Орловой-Чесменской; святой муж открыто обирал именитую свою покаяницу.

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешную плотию —
Архимандриту Фотию.

Кажется, это снова был голос Сверчка на Михайловской печке...

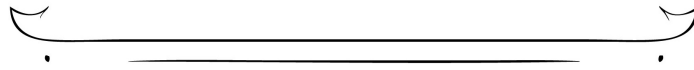
Отслушав молебен, государь беседовал со схимником Алексием и, получив его благословение, отправился на Юг. Его сопровождали генерал-адъютант Дибич и лейб-медик Виллье.

Государыня выехала из Петербурга 3 сентября.

III

По пути в Таганрог, пересекая Курскую губернию, император решил навестить вдову князя Барятинского, умершего два года назад.

Барятинские были рюриковичи, потомки святого Михаила Черниговского. Центром их огромных, цветущих поместий было богатое Ивановское, которое вместе со Степановкой, Мазеповкой и другими сёлами перешло в род Барятинских из секвестрованных имений Ивана Степанова Мазепы после его исторического

предательства. Недавно умерший Иван Иванович Барятинский был русским посланником в Мюнхене, а выйдя в отставку — занялся своими поместьями, которые по своему образцовому устройству и по благосостоянию жителей славились во всём крае. Августейшая фамилия всегда числила князей Барятинских в кругу своих ближайших друзей: один из них принимал самое тесное участие в избавлении Екатерины Великой от ропшинского пленника, другой был кавалером при наследнике Павле Петровиче. Барятинские блистали вкусом и образованностью, любили искусство, ставили в Ивановском на своём театре русские и французские пиэсы.

Государь предупредил вдову о своём визите и через три часа въехал в Ивановское.

Когда открытая коляска государя подкатила к подъезду дворца, на ступенях замер строй лакеев в траурных ливреях. Вместо княгини государя встретил на подъезде очень красивый десятилетний мальчик, старший сын покойного.

Государь ловко соскочил с коляски. Маленький князь Барятинский, отвесив изысканный поклон, приветствовал его на безукоризненном французском языке, прося извинить его больную мать.

— Здравствуй, тёзка! — сказал император, обнимая и целуя его.

Затем взял его за руку:

— Веди меня к твоей матери.

Они уже начали подниматься по мраморным ступеням крыльца, как вдруг мальчик оглянулся и чуть не оступился от удивления: кучер государя, добродушный бородач с самой простецкой харей, слез с козел коляски, отдал вожжи другому кучеру и стал преспокойно подниматься вслед за государем.

Видя удивление юного хозяина, Александр улыбнулся:

— Ильюша, поди сюда, целуй руку князю Александру Ивановичу.

Илья Байков, словно учёный медведь, склонился к изящной ручке мальчика. Любимец государя, имевший чин коллежского советника (что по табели о рангах равнялось полковнику), этот кучер неотлучно сопровождал государя при его путешествиях по русским провинциям. По сути дела, он был телохранителем Александра Павловича.

— Ступай с нами, Ильюша, осматривать дворец, — сказал государь.

Проходя по великолепным залам дворца, император на миг остановился перед батальной картиной со множеством огня, дыма, трупов — как людских, так и лошадиных. Картина на миг пробудила в нём давнюю ностальгию по бранной славе, в которой ему отказывало негласное мнение света.

Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал...

— Чья это работа, князь Александр Иванович?

— Вернетова, ваше величество.

Мальчик ответил громко и четко, так как мать успела предупредить его, что государь несколько туг на ухо.

В малом салоне, поддерживаемая компаньонками, навстречу государю поднялась из кресел дама в черном, со следами былой красоты — княгиня Барятинская, урожденная графиня Келлер. Она казалась убита горем. Государь мягким понуждением усадил ее, не позволив сделать требуемого по этикету поклона. Сам он сел напротив нее; князь Александр остался на ногах.

— Ваше величество, молю простить меня, что по нездоровью не смогла встретить вас на пороге сего печального жилища...

Государь кротко перебил ее, изъявляя глубокое сочувствие ее горю и высоко отзываясь о душевных качествах покойного князя. Как всегда, он говорил автоматически-красиво, и в момент речи мысли его были совершенно свободны: он думал, что прежде княгиня была похожа на королеву Луизу (которую он очень любил), что ежели пруссачки бывают красивы, то уж тогда просто ослепительны; что Наполеон тоже любил Луизу — и поймал себя на мысли, что назвал узурпатора Наполеоном, как встарь. Заметил он и трогательное фамильное сходство между княгиней и ее первенцем.

— Семейство моего дорогого Барятинского всегда будет в праве рассчитывать на мою дружбу, — плавно закончил государь. — По окончании траура, княгиня, жду вас ко двору. Мы вместе будем воспитывать ваших малюток.

На обратном пути он еще раз остановился перед картиной Ораса Верне, внимательно рассмотрел ее в свой золотой лорнет и с глубоким удовлетворением сказал юному князю:

— Mon cher Variatinski, la charge des hussards sera repoussee.

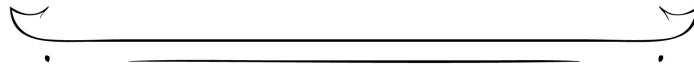
Севши в коляску, он очаровательной улыбкой приголубил маленького хозяина и томно-грациозным жестом ответил на его поклон. Ему нравился этот мальчик. В мальчике чувствовалась порода, благородная кровь. Смешение русской и германской аристократии всегда давало прекрасные плоды. Надо будет устроить судьбу сироток. Сказать Дибичу и Волконскому. Ивановское дышит благополучием. Такие фамилии — вот опора трона.

— Ильюша, погоняй!

Кони мчались, как вихрь.

IV

Визит в Ивановское улучшил настроение государя. 14 сентября он прибыл в Таганрог и спокойно вытерпел церемониальную скуку встречи, волнение гражданских и духовных властей с их экзорбитированными глазами и красными пятнами на щеках. Он отвечал на их приветствия со своим привычным милостивым изяществом

Важный хлебный порт на Азовском море, Таганрог был полон греков и армян. Самым красивым домом в городе был дворец Алфераки, поставщика русской армии в 1812 году: это была уменьшенная копия Зимнего дворца в Петербурге. После начала греческого восстания таганрогская колония греков сильно выросла: много богатых арматоров бежало от турецкой резни в единоверную Россию, в основном в Одессу и Таганрог. Знаменитый Варвакис выстроил в Таганроге мужской греческий монастырь. Эти оливковые лица, масляно-черные глаза и орлиные носы опять напоминали государю о нерешенном восточном вопросе, но он отгонял эти мысли.

Ему здесь нравилось: «воздух прекрасный, вид на море, жилье довольно хорошее», — писал он графу Аракчееву, по обыкновению выражая ему свою неизменную любовь и приглашая его приехать.

Но едва государь послал это письмо, как запоздалая и ужасающая весть донеслась из Петербурга: 10 сентября в Грузии была зарезана Настасья Федоровна.

Сия попечительная домоправительница графа, столь хорошо известная государю, была убита, по первым сведениям, кем-то из дворовых людей. Но государь сразу же не поверил в это.

Письмо графа Аракчеева от 12 сентября было преисполнено отчаяния:

«Случившееся со мною несчастье, потерянном верного друга, жившего у меня в доме двадцать пять лет, здоровье и рассудок мой так расстроило и ослабило, что я одной смерти себе желаю и ищущу, а потому и делами никакими не имею сил и соображения заниматься. Прощай, Батюшка, вспомни бывшего тебе слугу; друга моего зарезали ночью дворовые люди, и я не знаю еще, куда осиротевшую свою голову преклоню, но отсюда уеду».

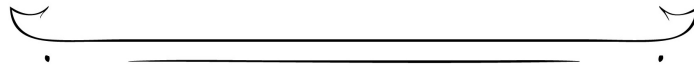
Граф Аракчеев самовольно передал командование поселенными войсками генералу Эйлеру, а вверенные ему гражданские дела статс-секретарю Муравьеву. В предписаниях этим двум лицам от 11 сентября такое распоряжение оправдывалось одною и той же причиной: «по случившемуся со мною несчастию и тяжкому расстройству моего здоровья, так что я никакого соображения не могу делать по делам мне вверенным».

— В такое время! — воскликнул государь. — *Mais c'est impossible!*

«В такое время»: в гвардии смутно, во Второй армии заговор, Ермолов под сомнением, Кочубей за границей, повсюду козни либералов! Нет, нельзя, невозможно в эту пору лишиться своей правой руки!

— Убийство в Грузии есть дело политическое, — сказал он Дибичу. — Оно совершено из ненависти к графу, чтобы удалить его от дел. Это часть обширного заговора, с коим боролся граф Алексей Андреевич.

22 сентября государь писал графу: «Твое положение, твоя печаль крайне меня поразили. Даже мое собственное здоровье сильно оно почувствовало... Приезжай ко мне: у тебя нет друга, который бы тебя искренне любил. Место здесь уединенное.

Будешь ты жить, как ты сам расположишь. Беседа же с другом, разделяющим твою скорбь, несколько ее смягчит. Но заклинаю тебя всем, что есть свято, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна, могу сказать необходима, а с отечеством и я неразлучен. *Ты мне необходим... Вспомни, сколь многое тобою произведено, и сколь требует все оное довершения».*

Государь уверил себя, что граф Аракчеев один способен довершить раскрытие и искоренение заговора.

Приписывая убийство Настасьи либералам, государь, как и в Семеновской истории, заблуждался: ее убил графский повар, мстя за свою сестру, искалеченную Настасьей. Убил при молчаливом сочувствии всей дворни.

Граф Аракчеев, добираясь до преступника, уже рвал своим дворовым ногтями, ломал суставы и обдирал им спины хвостатыми плетями, но они молчали, спаянные общей ненавистью и общим терпением.

Государыня приехала в Таганрог 23 сентября. Венценосный супруг встретил ее в большой заботе и нескрываемой печали.

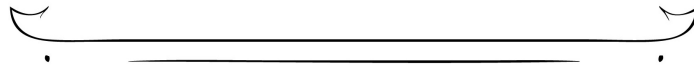
Около середины октября государь предпринял короткую поездку в Землю Войска Донского, посетил Новочеркасск, Аксайскую станицу и Нахичевань. Он обласкал старых казаков, ветеранов двенадцатого года, покорителей Парижа, из коих некоторые еще немного помнили по-французски. Он полюбовался на чернобровых станичных красавиц и отведал искусную их стряпню. Он чувствовал себя спокойно на тихом Дону, среди всеобщей благоговейной преданности.

Но уже 15 октября государь вернулся в Таганрог, и прибывший из южных поселений генерал де Витт сообщил государю чрезвычайно важные сведения о тайных обществах и их руководителях.

Государь приказал Ивану Осиповичу де Витту продолжать свои открытия и 27 октября в сопровождении Дибича отправился в Крым.

Глубоко скрытая тоска съедала само существование Александра Благословенного.

I

Устав от шумной Москвы, разочарованный любовными неудачами, соскучившись по старым друзьям, Александр Сергеевич Пушкин 24 мая 1827 года вернулся в Петербург.

Когда они встретились с Дельвигом после семилетней разлуки, оба были так взволнованы, что целовали руки друг другу.

На другой же день после приезда Пушкин читал у Дельвига своего «Бориса Годунова». Кругом были давно знакомые, дорогие лица. Пушкин душевно согрелся среди них, снова почувствовал себя дома, а не в гостях. Хотя он родился в Москве, весёлая юность его прошла в Петербурге; то было место его первых поэтических триумфов.

Давняя любовь его Анна Керн обрадовалась его приезду и провела с ним целый день в доме стареющего Сергея Львовича Пушкина в дружеской болтовне и воспоминаниях. Это была уже не та строгая девушка, какую он когда-то впервые увидел в доме Оленина, президента Академии художеств. Искушённая в амурных приключениях светская дама предстала перед Пушкиным. Они всё сказали друг другу глазами...

Но обещание лёгкой победы не могло заполнить пустоту в душе поэта. Как ни славил он в своих стихах служение Вакху и Венере, а все же его вечно тянуло к настоящему счастью. Он и сам не очень-то верил в его возможность. «На свете счастья нет, а есть покой и воля», — писал Пушкин. Воля была его божеством, но для творчества, для плодотворных дум поэта не менее важен был «покой».

— Александр Сергеевич, будете ли вы завтра у Олениных? — спросил его Гнедич. — Чай, не забыли ещё дорогу?

— Всенепременно! — весело откликнулся Пушкин. — Я никогда не забуду, сколь многим я ему обязан.

Он помнил, как Оленин семь лет назад хлопотал за него, когда Пушкину угрожала ссылка в Соловки; правда, эти хлопоты президент Академии художеств предпринял по настоянию Гнедича, который плакал, узнав, что Пушкина ссылают.

Все это были чудесные, культурные, образованнейшие люди!

Оленин был артиллерийским генералом, прежде чем стать академиком. Историк и археолог, крупнейший деятель русской культуры, гостеприимный и радушный, он словно нарочно был создан для роли руководителя изысканного кружка учёных, артистов, писателей. Его трехэтажный особняк на Фонтанке был полон знаменитостей. Но как только солнце начинало согревать землю, Оленины перебирались в своё Приютино — прекрасную дачу за Охтой.

Сюда и приехал Пушкин с Гнедичем вскоре после возвращения поэта в Петербург.

II

— Да, места здесь чудесные! — сказал Пушкин.

Одетый в чёрный сюртук и белые летние панталоны со штрипками, он стоял рядом со скамейкой, на которой сидела Аннет Оленина, и обмахивался своей шляпой, оглядываясь по сторонам. Барский дом в Приютине стоял над рекой и прудом, окаймлённым дремучим лесом. Перед домом, среди цветников, расхаживали павлины. Пушкин и Аннет отстали от общества, вышедшего на прогулку, и увлеклись разговором.

— Вы переменялись на диво! — сказал Пушкин. Аннет рассмеялась.

— Вы знали меня девочкой двенадцати лет, не так ли?

Теперь она стала прехорошенькой миниатюрной девушкой с глубокими карими глазами и золотисто-каштановыми локонами. Эта крошка в семнадцать лет была назначена фрейлиной к императрицам Марии Фёдоровне (матери царя) и Елизавете Алексеевне (вдове Александра I). При дворе она считалась одной из первых красавиц, но кроме того выделялась блестящим и игривым умом, редкой образованностью и художественным вкусом.

Они с Пушкиным заговорили об искусстве и не заметили, как остальные ушли вперёд. Тогда Аннет предложила вернуться и выбрала эту скамейку недалеко от дома. Пушкин открыл, что она сама пишет стихи. Но как он ни упрасивал её, Аннет не пожелала прочесть ему хотя бы несколько строк.

— Читать мои детские каракули первому поэту России? Да ни за что в жизни!

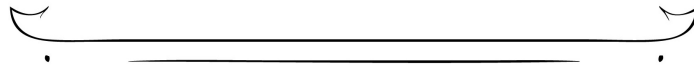
Он покраснел. Положительно, эта маленькая резвушка умела быть любезной...

— Вот вы где! — раздался приятный старческий голос. — Уже познакомились заново?

— Вообразите, папа, — воскликнула Аннет, — мсье Пушкин ставит Ариосто выше Байрона! Не правда ли, это совсем не соответствует тому, что говорят о мсье Пушкине в обществе?

Маленький живой старичок, одетый по-дачному, без своих звёзд и орденских лент, Алексей Николаевич Оленин выглядел обыкновенным добреньким сельским жителем, патриархальным помещиком средней руки. Но Пушкин, говоря с ним, отлично помнил, что это действительный тайный советник (высший гражданский чин в России), член Государственного Совета и что к этому симпатичному старичку благоволит государь император Николай Павлович.

Пушкин умело навёл разговор на любимую тему Оленина — русские древности. Старичок оживился, заиграл, развернул свои обширные знания. Пушкин вежливо оспаривал некоторые из его суждений, чтобы затем согласиться с доводами своего оппонента и признать его правоту. Когда же Пушкин в споре о загадочном

выражении «злато Бусово» процитировал большой отрывок из «Слова о полку Игореве», поражённый и растроганный Оленин воскликнул:

— Неужто вы — Неужто вы до сих пор помните «Слово» наизусть?

— Я и в смертный час его не забуду, — сдержанно и с достоинством отозвался Пушкин. — В Бояне чту я праотца русской поэзии.

— И в нынешней молодёжи едва ли найдутся трое таких, как вы! — сказал Оленин.

В этот миг он по-настоящему любил Пушкина.

III

Быстро пролетело короткое петербургское лето. Пушкин провёл немало времени в Михайловском, откуда привёз богатую жатву своего поэтического досуга. Настала зима. Пушкин вёл рассеянную жизнь, много играл и чаще всего проигрывал; друзья удивлялись, когда он успевает писать. По-прежнему он бывал у Олениных, и Аннет всё больше занимала его.

Но рядом с Пушкиным находилась не она, а лукавая, очаровательно-фривольная Анна Керн. И в самую пылкую пору их связи Петербург вдруг огласился пушечными залпами. Это было 14 марта 1828 года.

Салюты не смолкали весь день. Столица империи праздновала почётный и выгодный мир с Персией. Молодой дипломат Грибоедов прибыл от Паскевича с текстом Туркманчайского трактата: к империи присоединились ханства Эриванское и Нахичеванское, шах обязался заплатить двадцать миллионов военной контрибуции. По сути дела, пушки гремели в честь Грибоедова...

На другой же день император Николай принял Грибоедова, одного из главных авторов Туркманчайского договора. Два года назад этот изысканный денди сидел под крепким караулом в Главном штабе и ждал решения по делу о его связях с заговорщиками 14 декабря. Теперь все переменилось. Император наградил его чином, алмазным крестом и четырьмя тысячами червонцев.

Теперь его карьере завидовали. 14 апреля император назначил Грибоедова полномочным «министром» (посланником) в Персию. Но до отъезда автор «Горя от ума» успел ещё встретиться с друзьями и повидать свет. В доме издателя «Отечественных записок» Свиньина молодой посланник в присутствии Пушкина читал отрывок из своей новой трагедии «Грузинская ночь». Пушкин жадно присматривался к своему давнему приятелю: Грибоедов пожелтел от лихорадки, загорел и облысел. Они перекинулись немногими словами. Оба хорошо понимали друг друга, а поговорить по душам не могли: слишком много было кругом чужих и любопытных ушей. Оба читали в глазах друг друга память жаркой молодости и друзей, которых навеки утихомирила петля или остудила Сибирь.

⤿

9 мая небольшая компания совершала увеселительную прогулку по Финскому заливу: Оленин со своей прелестной дочерью, Пушкин, его друг Вяземский и модный английский художник Дау. Как всегда, толпа провожающих и зевак собралась на набережной посмотреть на отплытие «пироскафа».

— Счастливого пути! Бон вояж! — кричали провожающие, махая платочками, когда дым из трубы «пироскафа» пошёл гуще и чернее, колёса завертелись и судно отвалило от пристани.

— Подумать только! — сказал Вяземский Оленину. — Каких-нибудь тринадцать лет назад в Петербурге впервые увидели «пироскаф», сие чудо девятнадцатого столетия, а ныне здесь совершенно освоились со столь удивительным способом передвижения.

— Столичные жители, — ответил Оленин, — всегда следуют горацциеву правилу: «Ничему не удивляться».

— Хоть Горация и не читывали.

— То ли мы ещё увидим в наш изобретательный и промышленный век! — вмешался Пушкин — не то с энтузиазмом, не то с насмешкой.

— А тебе этого мало? — возразил Вяземский. — Судно, идущее противу течения и ветров, помощью одного только пара, вращающего колеса...

Машины гудели, из трубы валил дым, колоса парохода вспахивали балтийскую волну, и пенистый след змеился за кормой. С наслаждением вдыхая знакомо-солончатый воздух «свободной стихии», Пушкин стоял рядом с Аннет. Ей льстило подчёркнутое внимание поэта, слегка возбуждали и раздражали его добродушные колкости, и она соперничала с ним в обычных островах светского разговора. Оленин, поглядывая на них, все чаще задумывался. Пристроившись неподалёку от молодых людей, Дау украдкой набрасывал портрет известнейшего русского поэта.

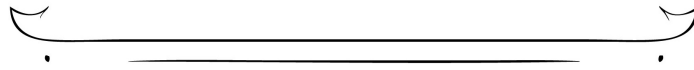
Внезапно обернувшись, Пушкин поймал его за этим занятием.

— Донт вейст юр тайм, сэр! — сказал Пушкин. — Ю хэв бифор ю э модл мор ворс пейнтин!

И он взглядом указал англичанину на Аннет Оленину. Дафу не понял и попросил Пушкина повторить по-французски. Пушкин расхохотался. Он изучал английский язык по книгам и сам первый потешался над своим произношением. Смеясь, он повторил художнику по-французски, что лучше бы Дау нарисовал Аннет Оленину, чем тратить время на него — Пушкина.

И тут же, на пироскафе, заняв у Дау карандаш и лист бумаги из альбома, Пушкин написал стихотворение, обращённое к художнику:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

Стихотворение вызвало всеобщий восторг. Аннет задумалась и забыла на лице улыбку. А ведь это не шутка: такая безделушка — а останется в памяти у людей. Пушкин забавен, порою неловок в своих ухаживаниях, но как велика его власть! Втайне она дорожила его растущей привязанностью.

Уже по возвращении в Петербург Вяземский на правах старого друга заговорил с Пушкиным:

— Уж не влюблён ли ты в эту севрскую куколку?

— Ошибаешься! — отозвался Пушкин. — Куколкой её грех назвать, она жива и остра.

— Ты прав, не спорю. Я назвал её куколкой по её миниатюрности: она бойкая штучка. Мала и резва, как мышка.

— Ты заметил, какие у неё крохотные ножки?

— Ну, ещё бы! Что ещё нужно влюбленному арапу?

— Ну, а глаза, глаза, бесчувственное ты создание?

— Влюблён! — воскликнул Вяземский. — Горбатого могила исправит. Мало тебя учили все мышки, лягушки и прочие прелестные зверушки большого света?

— Она другая! — воскликнул Пушкин.

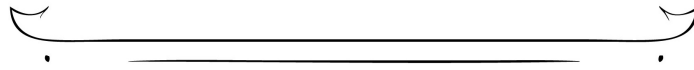
— Ну, конечно! ОНА всегда «другая»!

Аннет записывала в своём дневнике: «Он умён, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен». Манеры Пушкина, при всей его любезности слишком непринуждённые, порой шокировали эту истую дочь чинного Петербурга.

IV

16 мая 1828 года в палатце Лаваль был большой съезд. Этот дом знал весь Петербург: дворец Лавалей славился своим богатством и несчастьями. Судьба семейства Лаваль была столь необычна, что о ней стоило бы сказать несколько слов.

У Екатерины Великой был статс-секретарь Козицкий, из обедневшей дворянской фамилии с Украины. Он очень выгодно женился на Мясниковой, одной из четырёх дочерей Ивана Мясникова, которым достались все гигантские богатства горнозаводчиков Мясниковых и Твердышевых. Память об этих династиях ещё по сей день не изгладилась на Урале. Дочь Козицкого Александра Григорьевна почти за 30

лет до изображаемых нами событий вышла за графа Лавалья, бежавшего от французской революции, и в самом начале XIX века они выстроили себе в центре Петербурга, близ Невы, роскошный дворец, для которого беломраморные фризы и цветные плиты мелкой мозаики — мраморный пол — были вывезены с острова Капри, из древнего дворца римских цезарей (можно себе представить, каких денег это стоило!).

Лавали жили благополучно, растили детей, граф «Иван Степанович» делал придворную карьеру... Потом на это великолепное семейство словно обрушилось проклятие.

У них был только один сын, и в 1825 году этот двадцатилетний юноша застрелился в пензенском имении своей матери. Одна из их дочерей, Екатерина Ивановна, вышла замуж за князя Сергея Трубецкого, одного из «лучших женихов России» (и по родовитости, и по карьере). Вдруг оказалось, что князь был очень замешан в деле 14 декабря и чуть ли не на коленях вымолил себе жизнь у государя. Его отправили в Сибирь, и молодая княгиня Трубецкая, дочь графа Лавалья, поехала за ним... В свете Лавалья немного жалели, а больше презирали.

И вот 16 мая графиня Лаваль устроила у себя званый вечер, на котором попросила Пушкина читать отрывки из «Бориса Годунова», до сих пор ещё не опубликованного. Она созвала на вечер цвет петербургского общества. Среди гостей были и Адам Мицкевич, которого в столице чуть не носили на руках, и Александр Грибоедов, самый удачливый из русских писателей: ещё бы — в тридцать два года уже полномочный министр в Персии!

Злые языки, особенно дамские, завистливо изощрялись в остроумии по поводу роскоши Лавалей:

— Дают пиры и балы, когда дочь и зять изнывают в дебрях Сибири!

— Несчастливая Катрин! Выросла на этих мраморных плитах, по которым ходил сам император Нерон, чтобы затем утопать в снегах Сибири!

— Но каково её благородство, каково самоотвержение! Не побояться Сибири...

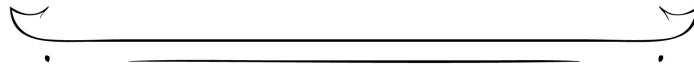
Слово «Сибирь» было неотъемлемо связано с великолепием палатцо Лаваль.

— Сам Сергей Трубецкой вёл себя далеко не столь благородно.

— К н я з ь Сергей Трубецкой...

— Пусть князь, если вам так угодно, мадам.

Трубецкой, как и все государственные преступники, был лишен всех прав, титулов и дворянства. Называть его прежним титулом — означало маленькую «оппозиционность». Ещё два года назад так не говорили в свете. Но за два года что-то случилось с обществом: то ли оправилось от страха, то ли начало прислушиваться к зову милосердия... Ругать декабристов вышло из моды

В этот вечер Пушкин читал сцену у фонтана. Она произвела великолепное впечатление: свет находил самозванца привлекательным, а Марину Мнишек чрезвычайно натуральной.

Только после чтения, приняв поздравления и обменявшись с комплиментом с графиней Александрой Григорьевной, Пушкин смог поговорить с Грибоедовым.

— Поздравляю тебя с монаршей милостью, Александр Сергеевич.

— Ты тоже считаешь это милостью? — желчно возразил Грибоедов.

— Разве ты не понимаешь, что это политическая ссылка?

— Ты думаешь?

— Это само собой видно. Государю угодно держать меня подале не только от Петербурга — от России! Не дай бог, я напишу ещё одно «Горе уму». Одному тебе скажу как брату: он боится словесности!

Грибоедов важно покивал своей худой птичьей головой, и свет люстр запрыгал в стёклах его очков. Пушкин, считавший Грибоедова умнейшим человеком в России, напряжённо слушал.

— Да, он боится словесности, а пуще всего — рукописной! — повторил Грибоедов. Вид у него был невесёлый. Без слов было понятно, что «министру-резиденту» вовсе не хотелось ехать в Тегеран. Пушкин пытался рассеять его мрачные предчувствия.

— Ты ещё не знаешь этих людей, — отвечал Грибоедов. — Увидишь, дело дойдёт до ножей... Там моя могила. Чувствую, что не увижу более России. Рука об руку прошли они по залам дворца, привлекая всеобщее внимание. Пушкин почувствовал духоту от ламп и взял мороженого. Грибоедов смотрел, как он ест, словно стараясь его запомнить.

— Не понимаю, как ты можешь есть мороженое. Мне даже и в этих палатах зябко.

— Ты привык к южному солнцу.

— Просто Петербург — холодный город. Холодные сердца, казематы, женщины и шутки! Ты знаешь, Москва глупее, но сердечнее.

— «Где лучше? Где нас нет!» — ответил Пушкин цитатой из Грибоедова.

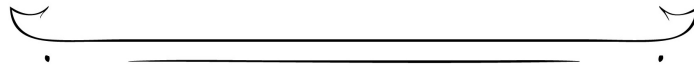
Тот молча улыбнулся и сжал его руку.

Рука Грибоедова была суха и горяча.

Это была их последняя встреча — при жизни.

V

В мае Пушкин снова гостит у Олениных в Приютине. Молодёжь, собравшаяся в этом благословенном гнезде, затеяла горелки: тогда ещё дворянство не чуралось

забав простонародья. Аннет бегала превосходно, но Пушкин догнал её. Запыхавшись и разругаясь, она быстро проговорила по-французски:

— Если б не эти корни и кочки, ты никогда не догнал бы меня!

Восхищенный Пушкин замер перед ней, не зная, чем объяснить эту внезапную интимность тона. Аннет вдруг осознала сказанное и смутилась.

— Ах, прощу прощенья, мсье Пушкин! Я забылась.

— И как вы прекрасно забылись! — ответил он. В этот вечер он уехал в город, но на другой день вернулся в Приютино. Подойдя в саду к Аннет, он с необычной радостью попросил её принять от него стихотворение в память о вчерашнем приключении. Аннет развернула тонкий листочек лучшей бумаги и прочла тщательно перебелённые строки:

Пустое *в* *ы* сердечным *т* *ы*
Она обмолвись заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *в* *ы* милы!
И мыслю: как *т* *е* *б* *я* люблю!

Аннет Оленина, фрейлина императорского двора, вспыхнула и медленно сложила листок бумаги.

— Однако это становится серьёзным, — сказала она.

— Это всегда было серьёзным, дорогая Анна Алексеевна, — тихо ответил Пушкин.

...И все же она допускала его ухаживания. Уж очень велико было тщеславное удовольствие видеть у своих ног знаменитого поэта и остролова, столь кроткого, покорного, нежного. Это была игра, но какая занимательная игра! И в своём дневнике она признавалась самой себе, что он — «самый интересный человек своего времени».

В свете уже знали о новой страсти Пушкина и как водится судачили о ней.

— Берегитесь, как бы ваша питомица не сделала ошибки! — говорили петербургские матроны Ивану Андреевичу Крылову, большому другу Олениных.

— Пустое, матушка! — лениво отвечал в таких случаях Крылов.

— Аннеточка — умница, а Пушкин прост: она с ним сладит и любую пиэсу разыграет — увидите!

Когда Вяземский написал стихотворение «Чёрные очи», в котором воспевал знаменитые глаза фрейлины Россет, Пушкин сочинил ответ и вписал его в альбом Аннет Олениной:

Она мила — скажу меж нами -
Твоя Россети егоза,

И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

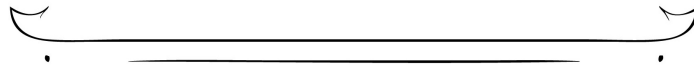
Он имел в виду одного из ангелов «Сикстинской Мадонны» — картины, которые знал лишь в копиях и очень любил. В черновой тетради, когда застревала рифма, он в задумчивости пробовал на все лады анаграммы из фамилии и имени Олениной: Aninelo (Оленина наоборот) или Etenna (перевернутое Annette). Однажды он даже рискнул на бумаге сменить её фамилию и написал: «Annette Rouchkine» — но потом, словно испугавшись, старательно зачеркнул и замарал эти дерзкую пробу пера (как бы не сглазить!).

Он скучал, не видя Аннеты, тратил время на карты или пытался читать. В июле 1828 года Вяземский писал ему из Москвы: «Слышу от Карамзиных жалобы на тебя, что ты пропал дня них без вести, а несётся один гул, что ты играешь не на живот, а на смерть. Правда ли?»

Пушкину хотелось забыться. Он проклинал Петербург и стремился вон из него. Ему не позволили принять участие в войне с Турцией, которая разгорелась весной этого года, не разрешили выезда в Париж. Снова показалась на горизонте опасность: всплыло дело об озорной поэме «Гавриилиада», в которой он когда-то пародировал священное писание. Пушкин заявил, что поэма писана не им, что он лишь переписал её, будучи лицеистом. Ожидая, чем кончится эта неприятная история, он учился английскому языку, читал в оригинале Вордсворта, остальное время проводил на дачах своих друзей и знакомых. Когда уехали из Петербурга его партнёры Киселев и Полторацкий, Пушкин на время оставил игру.

11 августа он снова в Приютино — у Аннеты день рождения, ей двадцать лет. Полушутя, полусерьезно она допрашивает его:

— Что это за слухи доходят до нашего сельского уединения говорят, вы стали конфиденantom мадам Закревской?

— Клевета и наговоры! — с жаром отвечает Пушкин. — Мы с ней просто большие приятели — свет несправедлив к ней она *добрый мальи́!* Он испытывает неизъяснимое наслаждение: кажется, Аннет ревнует! В Приютино — изобилие грибов, черники, костяники, а потом наступает черёд брусники, из которой в Петербурге готовят освежающую брусничную воду. Все Приютино ходит по ягоды: в доме остаются тишь сам Алексей Николаевич Оленин и Крылов, погружённые в воспоминания или сладкую стариковскую дрему. Пушкин, идя по лесу рядом с Анкет, тихо говорит ей:

— Итак, я могу надеяться?

— Вы знаете, как я ценю вас, — отвечает она. — Но в таком серьёзном деле я все предаю воле папа.

Пушкин светлеет: он знает, что Оленин всегда был поклонником его поэзии. С радостной боязнью ждёт он удобного момента, чтобы поговорить с Олениным. Но старик как будто избегает своего (прежде столь желанного) гостя. Его невозможно застать врасплох: постоянно кто-то рядом с ним. И первое горькое сомнение закрадывается в душу Пушкина.

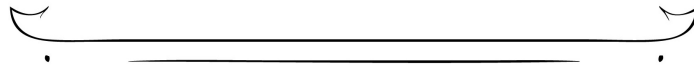
VI

Давнее правительственное расследование об элегии «Андрей Шень», запрещённые отрывки из которой распространялись в рукописных переделках, наконец, пришло к концу.

13 августа 1828 года председатель Государственного Совета граф Кочубей пишет главнокомандующему столице графу Толстому:

«По уголовному делу, о кандидате 10-го класса Леопольдове производившемся и в Государственный Совет по порядку поступившему, замешан был известный стихотворец Александр Пушкин. Правительствующий Сенат, освобождая его от суда и следствия силою всемилостивейшего манифеста 22 августа 1826 года, определил обязать подпискою, дабы впредь никак своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать и публику, под опасением строгого по законам взыскания. Таковое положение Правительствующего Сената удостоено было высочайшего утверждения. Но вместе с сим Государственный Совет признал нужным к означенному решению Сената присовокупить: чтобы по неприличному выражению Пушкина в ответах насчёт происшествия 14-го декабря 1825 года и по духу самого сочинения его, в октябре месяце того года напечатанного, поручено было иметь за ним в месте его жительства секретный надзор».

Пушкина вызывают в канцелярию петербургского военного генерал-губернатора и приглашают дать подписку в том, что впредь он никаких своих сочинений до цензурного разрешения не будет «выпускать в публику». О секретном

надзоре полиции, он, конечно же, ничего не знает. Но история с «Гаврииладой» продолжается.

1 сентября он пишет Вяземскому письмо, специально рассчитанное на «чёрный кабинет», на мастеров незаметного вскрытия печатей и обратного запечатывания.

В этом письме он говорит: «Ты зовёшь меня в Пензу, а того и гляди что я поеду далее, «прямо, прямо на восток». Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец Гавриилада; приписывают её мне; донесли на меня, и я вероятно отвечу за чужие проказы, если кн. Дм. Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность». Вяземский, конечно, прекрасно знал, что покойный Дмитрий Горчаков не писал «Гавриилады»...

И внезапно Пушкин заметил, как скучен и холоден Петербург, как безнадежно небо эпохи над шпилем Петра и Павла — и как удачно вписывается в этот строгий, высочайше дозволенный пейзаж «умная Аннеточка»! Тогда-то и родились в его уме печально-насмешливые строки о Петербурге:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Все же мне вас жаль немножко,
Потому что что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьётся локон золотой.

Тоска овладевает им. Как ему хотелось покоя! И в глубине душ — сам себе еле смея в том признаться — как лелеял он мечту о новых Пушкиных, о смуглых младенцах с такими же вьющимися волосами, наследием чёрного прадеда!

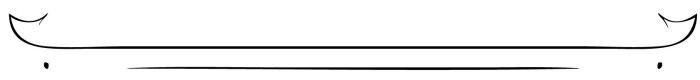
Неужели он снова ошибся?

Его неуверенность уже замечают друзья. С Анной Керн, которую по-приятельски посвятил в треволения своего романа, Пушкин совершенно откровенен. Однажды они перелистывают парижское издание знаменитых «Капризов» Гойи (испанское название «Капричос» привилось в России позднее. У них про исходят спор об излюбленном женском типе в рисунках Гойи.

— Но взгляните-ка, вот эта фигура действительно изящна! — говорит Керн, — И какие у неё миниатюрные ножки в этих тонких испанских туфельках!

— Это ещё не признак совершенства, — отвечает Пушкин. — Вот, например, у ней вот какие маленькие ножки, — он показал размер руками, — да чёрт ли в них?

Анна Керн засмеялась и погрозила ему пальцем: она знала его пылкий характер и понимала, что Пушкин не в силах только любоваться красотой, которая остаётся недоступной. Долго ли он будет вздыхать, любуясь Олениной?

Красавица Закревская, уже снискавшая в свете самую скандальную репутацию, забавляла его своими откровенными рассказами и своим остроумием с оттенком наглости, но никогда не могла сколько-нибудь серьёзно задеть его сердце. Позже в одном из вариантов «Онегина» он назвал её «Клеопатрой Невы». Нет, в мыслях Пушкина была одна только Аннет Оленина.

И он не выдержал этой неопределённости. Он умолил Дельвига поговорить с Олениным. Отнюдь не от имени Пушкина — никакого сватовства! Просто узнать, что думает старик и допускает ли он возможность такого мужа для своей Аннет.

Дельвиг славился своей ленью, но для Пушкина он решился на этот подвиг. Вздыхая и ворча, он тщательно оделся и даже повязал модный галстук, который всей душой ненавидел. Друзья придумали предлог для визита Дельвига к президенту Академии художеств.

Пушкин не выходил из дома Дельвига, ожидая его возвращения. Наконец, вновь послышался топот конских копыт, стук коляски и тяжёлая поступь барона.

Пушкин бросился к нему навстречу: — Ну, что?

— Забудь! — кратко ответил Дельвиг. — Он не хочет говорить об этом.

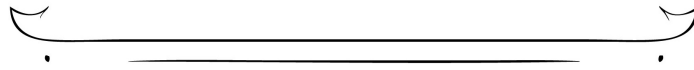
И обиженный за друга, обычно столь флегматичный барон отпустил по адресу президента крепкое словцо.

Пушкин побледнел. Всё было ясно. История предстала перед ним с другой стороны.

Да, он не имел ни состояния, ни положения в обществе. Рад Пушкиных давно захудал, не имел в своих ветвях ни генералов, ни министров, ни тайных советников. Что толку в их знатности и славных предках? Нынешние Пушкины славились только находчивостью и каламбурами. Свет привык к анекдотам о Пушкиных, а в особенности — о нём, Александре Пушкине! Не отдавать же Оленицу свою дочь за героя анекдотов.

Он не знал самого главного. Не знал, что за ним учреждён секретный полицейский надзор и что добряк Оленин в качестве члена Государственного Совета сам подписывал постановление об учреждении этого надзора — вместе с другими членами Совета. Не мог Оленин выдать дочь за человека, за которым сад учредил секретный надзор.

И ещё — чего Пушкин не знал и не подозревал до конца своей жизни, но, может быть, бессознательно чувствовал — сама Аннет мечтала о другом браке. Ей снился блестящий светский лев и вместе с тем безукоризненно образованный и воспитанный человек, но притом с состоянием. Она мечтала о картинах, путешествиях, о самых дорогих итальянских певцах и немецких пианистах, приглашаемых на вечера в её будущем доме. Всего этого Пушкин не мог ей дать.

А он переживал неудачу долго и мучительно. Сердце его никак не могло исцелиться от нежности к этой бойкой и умной девушке, которую он когда-то с любовной насмешкой прозвал «драгунчиком».

Но вот к Оленину он теперь относился по-другому.

В один из долгих осенних вечеров, по-братски скучая возле прихворнувшего Дельвига, он взял с полки любимую книгу — «Опыты в стихах и прозе» несчастного Батюшкова, изданные ещё в 1817 году. Титульный лист книги был украшен затейливой виньеткой: среда облаков — якорь с крылышками (аллегория надежды) и змея, кусающая себя за хвост (вечность). Виньетка означала: «вечная надежда на небеса!»

Пушкин знал, что виньетка гравирована по рисунку старого Оленина, который был и рисовальщиком, и гравёром. Под нею стояла его обычная монограмма: буква О, как бы нанизанная острую вершину буквы А («Алексей Оленин»). Вдруг Пушкин захохотал.

— Ты что? — озабоченно спросил с дивана Дельвиг. — Сам себя щекочешь подмышками?

— Посмотри на эту монограмму! — ответил Душкин, подавая книгу Дельвигу. — Ведь это же нуль на ножках.

Дельвиг взглянул и тоже засмеялся своим сердечным раскатистым смехом. И впрямь — монограмма Оленина напоминала нуль на растопыренных ножках.

Конечно, он не был «нулём». Наоборот, он был весьма примечательной личностью. Но вместо друга Пушкин нашел в нём человека, преданного «порядку», петербургского сановника.

И этого Пушкин не мог ему простить.

И ему вспомнилось: «Холодные сердца, казематы, женщины и шутки».

